Слово Донбасса

Антон Гагарин

БУДЕМ ЖИТЬ!

Алексей Сергеевич Гагарин

Будем жить!

Серия «Слово Донбасса»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73924802
Будем жить! / Антон Гагарин: Вече; Москва; 2025
ISBN 978-5-4484-5611-4

Аннотация

Не люди выбирают войну, а война выбирает людей. Так и случилось с двумя друзьями – Виктором и Николаем, рабочими из управления дорожного строительства, когда они узнали о гибели своего друга детства в плену у укронацистов. Решение оба приняли без колебаний, и пару месяцев спустя новоиспеченные рядовые Увар и Мучкап прибыли «за ленточку» в составе штурмового подразделения N-ской части Вооруженных сил России. Чтобы бить врага. Чтобы гнать врага прочь с родной земли. Чтобы победить!..

Содержание

Будем жить! 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 30
Глава 6 40
Глава 7 46
Глава 8 52
Глава 9 56
Глава 10 64
Глава 11 68
Глава 12 75
Глава 13 80
Глава 14 85
Глава 15 94
Глава 16 99
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Антон Гагарин
Будем жить!

© Гагарин А. С., 2025
© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Будем жить!

Повесть основана на реальных событиях

Глава 1

На заднем дворе Дорстроя, возле железнодорожного полотна, мощный оранжевый бульдозер спокойно, без натуги, карабкался на гору щебня, двигая перед собой отвалом шевелящийся, шелестящий вал мелких сухих камешков. На железнодорожном полотне, поднятом на полтора метра над землей, стояли три только что выгруженных вагона с откинутыми вниз на дне люками.

Виктор Кирюшин, двадцатишестилетний парень в темно-синем комбинезоне и в связанной матерью черной шерстяной шапочке сгребал на бульдозере привезенный щебень в большую высокую гору, с другой стороны которой его друг Николай Черкашин на своем фронтальном ковшовом погрузчике черпал ковшом щебень и высыпал в кузов КамАЗа. Бульдозер вполз на вершину горы. Щебенка, поднимая пыль, ссыпалась с отвала, обнажив отполированный до блеска стальной нож. На вершине, на ровной поверхности, бульдозер, качнувшись, выпрямился. Заходящее, но ещё яркое весеннее солнце ударило в глаза Виктора сквозь запыленное лобовое стекло. Он прищурился, быстро включил заднюю скорость, и бульдозер легко пополз вниз, снова накренившись назад. Солнце исчезло. На небе стало видно серое, грязноватого цвета облако, которое подкрадывалось к солнцу, намереваясь его закрыть.

Виктор оглянулся, посмотрел в заднее окно бульдозера на нависший зловещий вал тучи над длинным корпусом под шиферной крышей мастерских Дорстроя. В торце корпуса стоял ряд высоких старых тополей, опушенных легкой лимонной весенней дымкой и усыпанных черными гнездами грачей. Птицы беспокойно, тревожно и неслышно из-за ровного шума мотора взлетали над гнездами и снова садились на ветки тополей.

Тревожно было и на душе Виктора. Но не из-за надвигавшейся темно-синей с белесой дымкой тучи, которая грозила то ли весенним ливнем с ураганом, то ли поздним снегом. Он не обращал на нее внимания. Тягостные мысли его были далеко. Он чувствовал себя смутно и гнетуще, словно был в чем-то виноват. Виноват так, что нет ему прощения. Чувство это у него появилось после того, как ему позвонила Анастасия Петровна, мать Павла Мельникова, спросила, давно ли звонил он Паше. Ей только что сообщили из военкомата, что Павел пропал без вести два месяца назад. Виктор звонил Павлу, звонил и Николай, звонили не раз за эти два месяца, но металлический голос равнодушно отвечал, что телефон отключен или находится вне зоны действия сети.

Павел Мельников, Николай Черкашин и Виктор Кирюшин дружили с детского сада, учились в одном классе. Паша после школы поступил в летное училище, стал военным летчиком, участвовал с первого дня в Специальной военной операции на Украине. Прошлой осенью Виктор с Николаем

пытались уйти по контракту на СВО, но начальник Дорстроя уговорил местного военкома отказать им, мол, бульдозеристы на таком же фронте, только мирном. И теперь Виктор терзался мыслями, что Паша, возможно, погиб, и что если бы они с Николаем не отступились легко после отказа военкома заключить с ними контракт, с Пашей ничего не случилось бы. Хотя понимал: как они могли защитить летчика? Но всё же думалось смутно, что только одно сознание, что его друзья сражаются где-то рядом, могло спасти его.

Бульдозер спустился с горы щебня к железнодорожному полотну, на котором замерли, возвышаясь, три вагона. Виктор посмотрел в окно, как погрузчик Николая, поднимая пыль, высыпал сухой щебень в наполненный кузов самосвала и отъехал от него. КамАЗ рыкнул, выпустил из трубы сизый дым и, покачиваясь на неровностях дороги, начал медленно отползать от высокой горы щебня, направляясь к открытым воротам Дорстроя. Погрузчик развернулся, отъехал в сторону на лужок, покрытый зеленой дымкой молодой зелени, и остановился, замер. Николай высунулся из кабины и махнул рукой Виктору, предлагая заканчивать работу.

Виктор задом отогнал бульдозер поближе к погрузчику, опустил широкий отвал на землю, заглушил мотор, взял тряпку, вылез из кабины на гусеницу и начал протирать запыленное за день лобовое окно. До него в наступившей тишине сразу же донеслись сварливые крики грачей на тополях рядом со зданием мастерских. Жутковатая туча увели-

чилась, гнетуще нависая над тополями. Возле обшарпанной стены здания ещё виднелся грязноватый вал снега, ссыпавшегося с крыши, а совсем рядом уже светились первые робкие цветы мать-и-мачехи.

Николай вылез из кабины погрузчика, запер дверь и крикнул Виктору:

– Кончай тереть! Сейчас ливанёт, вымоет…

– Тише! Никому не рассказывай! – откликнулся Виктор, продолжая вытирать окно.

У него была привычка отвечать так, когда он был не настроен разговаривать, чтоб отстали от него. Николай знал об этом и достал смартфон, нажал кнопку вызова телефона Павла Мельникова со смутной надеждой, что вдруг тот откликнется, но снова ответил металлический голос, что телефон отключен.

Виктор кинул пыльную тряпку на пол кабины, взял из-за сиденья небольшой рюкзачок с термосом, запер дверь и спрыгнул с гусеницы на лужок, вдохнув полной грудью легкий сладковатый запах молодой травки. К бульдозеру, виляя хвостом, подбежала рыжая глазастая дворняга, села у ног Виктора, с надеждой подняла к нему свою хитроватую мордочку и словно улыбнулась ему глазами. Виктор присел, потрепал ее ласково за уши, говоря:

– Не забыл я тебя, Жулька, не забыл! Оставил бутербродик.

Он достал из рюкзачка бумажный сверток, развернул его

и протянул собаке бутерброд с колбасой. Жулька выхватила из его руки лакомство и начала торопливо есть. Виктор снова потрепал ее по шее рукой.

– Сторожи наши танки, чтоб к ним никто ни на шаг не приближался.

Николай с нетерпеливой улыбкой смотрел, как Виктор угощает дворнягу.

– Помчались, а то до бытовки добежать не успеем. Ливанет!

С обратной стороны здания, в котором располагались мастерские, склады и бытовки рабочих, на площадке напротив дверей стояло несколько легковых автомобилей рабочих Дорстроя. Заднее крыло машины Виктора было смято. Фонарь разбит.

Проходя торопливо мимо нее, Николай проговорил:

– Заскочим на минутку в ГИБДД к Андрею. Он звонил, просил подписать постановление.

Пока они умывались в бытовке, переодевались, зловещая туча накрыла солнце, на улице стало пасмурно, темно и ещё тревожнее. Когда они вышли из здания, сильный порыв ветра метнул в них первые крупные капли дождя. Они бросились к машине, только успели вскочить в нее, как ливень с шумом, стеной обрушился на землю.

Глава 2

Когда Николай с Виктором подкатили по лужам и ручьям на дороге к зданию ГИБДД, дождь не прекратился, только успокоился немного. Николай остановил машину возле входа, первым выскочил из нее и метнулся к двери. Виктор следом. Оба они, стряхивая с курток капли дождя, прошли по узкому коридору к кабинету хорошо знакомого им по школе старшего лейтенанта Андрея Угарова. Он учился на два класса старше. Николай постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь. Увидев его, Угаров махнул рукой.

– Входи, входи!

Он сидел за своим столом и смотрел новости по небольшому телевизору, висевшему на стене.

– Вымокли? – с добродушной усмешкой пожал Угаров по очереди руки друзьям и указал рукой на стулья возле стола. – Ужас какой-то! Потоп! Мимо нас по улице поток унес гусыню с гусенятами.

Говоря, он копался в стопке листов на столе, вытянул один и протянул Николаю.

– Прочитай и подпиши!

Николай взял лист, сел и стал читать постановление о ДТП, а Угаров с Виктором обратились к телевизору, на экране которого шли последние новости из СВО. Шли кадры базы азовцев: на стенах нарисованы свастика, эмблема полка

«Азов», герб Украины, на столе – книги с портретами Гитлера.

Диктор взволнованным голосом быстро комментировал:

– На базе «Азова» разбросаны одежда, патроны, неонацистская атрибутика и множество книг ультраправого толка. Здесь мы видим и откровенные свастики, и эмблемы танковых дивизий СС. Голова Адама, или «Мертвая голова», представлена здесь в таком виде, в котором она была на кокардах СС. Орел вермахта, но внизу, вместо свастики, трезуб. Видимо, азовцы считают себя преемниками вермахта.

Николай быстро подписал постановление и протянул лист Угарову.

– А тому, кто разбил мою машину, что вы решили?

– Как положено по закону, – спокойно ответил Угаров. – На два года лишили прав. Не будет пить за рулем.

На экране телевизора появились кадры, как бандеровцы расстреливают наших пленных, лежащих на земле лицом вниз.

Угаров умолк, кинув постановление перед собой на стол, и удрученно уставился на экран вместе с Виктором и Николаем.

– Опубликованы новые видеосвидетельства массовой кровавой расправы украинских военнослужащих над безоружными российскими военнопленными, – говорил диктор. – Зверское убийство российских военнопленных – не первое и не единичное военное преступление. Это распро-

страненная практика в ВСУ, активно поддерживаемая киевским режимом и в упор не замечаемая его западными покровителями.

Угаров хмуро проговорил:

– Я уже три раза писал рапорт, чтоб меня направили на СВО. Не пускают! Уволюсь и пойду по контракту!

– Мы пытались… – угрюмо откликнулся Николай. – Не взяли…

– Вы, должно, знаете о вашем третьем мушкетере? – спросил Угаров, засовывая постановление в ящик стола. – Вас же в классе звали мушкетерами.

– Знаем… – тягостно вздохнул Виктор. – Пропал без вести Паша…

– Сбили его самолет… И может, вот так, как этих… – подавленно выговорил Угаров, – расстреляли и закопали…

В это время в доме Виктора Кирюшина, сидя в горнице, смотрели последние новости по телевизору его мать Мария Дмитриевна, пенсионерка, бывшая учительница начальных классов; жена Наташа, начинающая полнеть молодая женщина, на прошлой неделе в семье отмечали ее двадцатипятилетие; четырехлетняя дочка Катюша, беловолосая девочка с белым бантом на голове и сосед Сергей Степанович, крестный отец Виктора, семидесятилетний старик, лысый, с седой щетиной на щеках и большим ноздреватым носом. Мария Дмитриевна, поглядывая на экран и быстро мелькая спица-

ми, вязала носок. Наташа с дочкой, мало обращая внимание на телевизор, листали на столе книжку детских сказок, которую принес им Сергей Степанович, заглянув на минутку, но задержался из-за дождя. Только он один, уныло потирая рукой седую щетину на щеке, внимательно и молча смотрел и слушал, что показывает телевизор. На экране шли кадры расстрела наших пленных со скорбными и возмущенными комментариями диктора.

Мария Дмитриевна отвлеклась от вязанья и тяжело, с упреком взглянула на Сергея Степановича, который не одобрял то, что наши начали военную операцию на Украине.

– Вишь, кум, а ты говоришь, зачем на Украину полезли? – проговорила она сурово.

– Да-а, даже Гитлер до такого не додумывался, – виновато покачал головой Сергей Степанович. – Звери!

– Ешё чуть-чуть они б силенок подкопили, пока мы чухались, да так шарахнули по нам… – заявила Мария Дмитриевна убежденно и вновь замелькала спицами. – Они ведь прямо говорят, что хотят пройти парадом по Красной площади на американских танках.

Сергей Степанович на этот раз не согласился с ней, считая, что до Тамбова далеко, пробормотал неуверенно:

– До нас даже Гитлер не дошел.

– Гитлер и Москву не взял, – твердо ответила Мария Дмитриевна и продолжила убежденно. – А эти и Москву взяли бы, и до нас дошли: немцы, французы, американцы, все

с ними. Прямо говорят, не скрывают: русских всех под нож. Видал, что творят.

– Мож, пропаганда? – с сомнением выговорил Сергей Степанович.

Наташа оторвалась от книги и доброжелательно взглянула на него:

– Эти кадры не наши снимали. Они сами сняли расстрел и в соцсетях выложили, похвастались.

Она умолкла на мгновение, глядя на экран телевизора и вздохнула тяжко:

– А ведь среди этих пленных мог быть и Витя. Осенью он всё рвался на фронт…

Мария Дмитриевна снова оторвалась от вязанья, взглянула на сноху и покачала головой.

– Витя не мог быть среди них!

– Почему? – смотрела на нее Наташа.

– Он бы не сдался, – опустила голову к вязанью Мария Дмитриевна.

– Да, Витёк бы не сдался, – на этот раз уверенно подтвердил Сергей Степанович. – Умер бы, зубами бы рвал фашистов, но не сдался.

Виктор с Николаем вышли на улицу из ГИБДД, когда дождь совсем перестал. Туча ушла на юго-запад в сторону Мучкапа, открыв потускневшее перед самым горизонтом солнце. Тихо было на улице, свежо. Сладко пахло первыми

робкими листочками черемухи, росшей за заборчиком у самого окна ГИБДД. Вода всё еще бежала вниз по улице к реке Вороне, но это уже был не бешеный поток, как во время ливня, а затухающий ручей.

Николай и Виктор постояли на пороге минутку, вдыхая свежий очищенный ливнем воздух. На душе у обоих было тягостно, оба были под впечатлением расстрела бандеровцами наших пленных, оба думали о Павле Мельникове.

– Ах, Паша, Паша! – вздохнул Николай и посмотрел на Виктора долгим взглядом.

Тот не отвернулся, не отвел взгляда.

– Что будем делать? – спросил Николай.

Виктор понял, что тот имеет в виду, и твердо, уверенно ответил:

– Я готов!

– А жена? Мать? – спросил Николай.

– Наташа, надеюсь, поймет, а мать поддержит, – по-прежнему твердо ответил Виктор.

– Значит, завтра с утра в военкомат?

– Да, с утра в военкомат, – подтвердил Виктор и добавил: – Только мне надо сейчас купить в торговом центре Катюше плюшевого медведя. Она давно мечтает о Мишке. Заедем?

– Поехали, – ответил Николай и направился к своей машине.

Глава 3

Виктор входил в калитку своего двора с большим плюшевым медведем уже после того, как зашло солнце. На западе в том месте, где только что спряталось солнце, багрово светилось небольшое плоское облачко. Тихо было на улице, свежо. Во дворе видны были следы от потока воды. Виктора радостно встретил пес Пушок, небольшой, пушистый, игривый, загремел цепью, размахивая хвостом, и потянулся обнюхать плюшевого Мишку.

– Это не тебе, Пушок! Это Катюше. Она давно хотела Мишку, – приветливо обратился к псу Виктор и радушно потрепал его по голове. – Как тут без меня? Всё в порядке? Не испугался ливня? Не унесло тебя водой?

Пушок ещё энергичней и радостней замахал хвостом. Виктор подошел к собачьей будке, возле которой были следы потока, но стояла она на пригорке, и вода ее не коснулась. Виктор наклонился, заглянул в будку. Сухо! Крышу Виктор сделал прочную. Не промокла! «Хорошо, хоть сообразил, поставил у забора на возвышенности, а то снесло бы водой!» – подумал он и снова приласкал собаку, говоря:

– Ладно, ладно! Понял, всё хорошо… – и вздохнул: – А мне тяжко… Пойду я…

Виктор, переобувшись в коридоре на коврике в тапки, вошел в прихожую. Услышав шум открываемой двери, из гор-

ницы ему навстречу радостно выскочила дочь Катюша, приостановилась, глядя с восторженной улыбкой на отца с большим Мишкой в руках, и с радостным визгом кинулась к нему.

– Ми-и-ишка-а-а!

Виктор подхватил её на руки, поцеловал в щеку, опустил на пол и протянул ей Мишку. Она прижала его к себе. Медведь был с нее ростом.

Из горницы на шум выглянула жена Наташа. Виктор чересчур торопливо подскочил к ней и тоже поцеловал в щеку. Наташа, глядя внимательно на него, спросила с некоторым недоумением:

– Чей-та ты Мишку купил? Зарплата вроде не скоро.

– Катюша так хотела Мишку. Видишь, как рада.

Виктор погладил по голове сияющую дочь. Она крепко, с любовью прижимала к себе медведя. К ней подошла рыжая кошка с белой мордочкой Дашка и стала обнюхивать ноги Мишки.

– Невеселый ты какой-то. Улыбаешься, а глаза грустные, – всё так же внимательно смотрела на него жена. – Случилось что?

– Всё-то ты видишь, всё чувствуешь! – Виктор обнял жену, прижал к себе на некоторое время и прошептал на ухо: – Мы завтра идем с Колькой в военкомат, записываться по контракту…

– Я так и знала! – с горечью высвободилась из его объятий

Наташа.

Она догадывалась, чувствовала, что Витя рано или поздно не выдержит, отправится на СВО, страшилась этого, старалась не разговаривать на эту тяжелую для нее тему.

– Пашка пропал без вести… – глухо, уже иным тоном, сказал Виктор.

– Ой-ой… Что же это такое? – воскликнула Наташа и крикнула в сторону горницы. – Мама, мама!

Виктор с некоторой глухой ревностью невольно отметил про себя, как эмоционально вспыхнула жена при горьком известии о Паше. Он знал, что Наташа в школе была влюблена в Пашу. Из горницы спешно показалась Мария Дмитриевна с вязаньем в руке. Наташа сразу после свадьбы стала звать свекровь мамой.

– Мама, Пашка Мельников пропал без вести!

Мария Дмитриевна охнула потрясенно:

– Как? Когда?

Наташа снова эмоционально и тревожно вскрикнула:

– Мам, и Витя туда собрался! За друга мстить!

Виктор всё ещё не отпускал от себя дочку, словно она была ему защитой, быстро и решительно заговорил:

– Я не могу себя уважать, когда люди воюют с нацистами. Эти звери открыто твердят, что хотят уничтожить Россию. Уничтожить русских… А я, как баран, буду сидеть дома и ждать, когда меня, тебя, маму, доченьку нашу на бойню поведут… Так, да?

Говоря это, Виктор глядел на мать, обращался к ней.

– Мам, как поступил бы мой отец? Стал бы покорно ждать, когда кто-то решит его участь?

Мария Дмитриевна вздохнула тяжко, горестно:

– Горячий он был…

Отец Виктора умер в прошлом году от рака легких.

Виктор снова уверенно заявил:

– Значит, решено! Завтра я иду в военкомат.

Мария Дмитриевна, прижав левой рукой к животу недовязанный шерстяной носок со спицами, правой перекрестила сына.

– Благословляю!

Глава 4

Ночью Виктору не спалось. Наташа лежала рядом, уткнувшись лбом в его плечо. Тихонько посапывала. Он с томительной нежностью ощущал ее легкое дыхание на своей руке и думал: «Что с ней будет, если меня убьют? Что будет с Катюшей, с мамой?» Вспомнилось, как переживала, замкнулась в себе после смерти отца его мать. Но у матери был он, взрослый сын, мужчина, хорошо зарабатывающий, ее опора, были любящая сноха, внучка. Да и со смертью отца мать, как и все в семье, смирилась, знала, что рак неизлечим, видела с мучительной горечью, как гас на ее глазах отец, совсем недавно ещё сильный, крепкий мужик, работавший водителем самосвала в том же Дорстрое. А с его, Виктора, смертью в доме останутся одни женщины, нелегко им будет. А если Наташа выйдет замуж, не будет же она маяться одна всю жизнь, переедет к мужу, мать останется совсем одна. Старушка, одинокая старушка!.. Но не всех же на войне убивают.

Вспомнился дед, он хоть и прихрамывал после ранения на той, жестокой войне, но вернулся живой, воевал с первого дня все четыре года. В тылу не сидел, был рядовым пехотинцем. Четыре раза в госпиталях лежал, последнюю пулю получил уже на улицах Берлина. Оттого и прихрамывал. Виктор хорошо его помнил, дед брал его с собой на рыбалку. Чудесно было сидеть на берегу реки рядом с молчаливым де-

дом, смотреть на поплавок, греться на приветливом утреннем солнце, слушать, как разливается в недалеких кустах соловей, как откликается ему издали другой. Они, словно специально для них, старательно давали концерт…

Да, не всех убивают на войне. Может и он вернется домой, пусть раненым, пусть без ноги, сейчас хорошие протезы делают, и лет через тридцать – сорок он будет также сидеть со своим внуком на берегу реки и слушать соловьев. Кто-то из воевавших на Украине говорил, что каждый второй возвращается домой либо в цинковом гробу, либо калекой. Да, каждый второй, но ведь и каждый второй возвращается домой победителем. Почему не он? Нет, не может со мной случиться самое страшное. Ранения, может, не избежать, но нельзя оставлять одних трех его любимых женщин. Господь не допустит!

Виктор пытается вспомнить молитву. Читал однажды в какой-то книге «Отче наш», но запомнил только первую строку: «Отче наш, иже еси на небеси!» А что дальше, не помнил. Запала в душу только одна строка: «Не введи нас в искушение и избави нас от лукавого». Хорошие слова! Надо полностью выучить… Мать с отцом набожными не были, не учили его молитвам. Хотя, когда отец доживал последние дни, Виктор видел однажды, как ночью мать на коленях молилась перед недавно купленной в церкви иконой Пресвятой Богородицы и что-то шептала. Выходит, она знала какие-то молитвы, но не говорила о них с сыном.

Томительно, беспокойно на душе Виктора. Сна совсем нет. Он устал маяться горестными мыслями, решил выйти во двор, проветриться, может, тогда придет сон. Виктор легонечко отстранился от спящей жены. Она не заметила этого, по-прежнему дышала ровно, расслабленно. Он потихоньку выполз из-под одеяла и, крадучись, неслышно ступая, вышел из горницы в прихожую, приостановился, глянул на открытую дверь в маленькую спальню, где спали мать с Катюшей. Там было тихо. Скорее всего мать не спит, слышит, как он крадется в коридор.

Кошка Дашка вышла из комнаты и направилась к нему. Он на цыпочках подошел к входной двери и тихонечко надавил на нее. Она не скрипела, открывалась тихо. Дашка первой вышла в коридор. Собака, видно, чутко уловила шорох открываемой двери и загремела цепью. Виктор вспомнил, что Пушок не ладит с Дашкой, шум поднимут, взял кошку на руки, впустил ее тихонечко назад в комнату и прикрыл за собой дверь. В коридоре охватила его ночная прохлада. Он обулся, накинул на плечи куртку и вышел на улицу.

Двор дома Виктора освещен был тусклым светом фонаря со столба. Пушок, услышав хозяина, жизнерадостно загремел цепью и подбежал к порогу. Виктор опустился на деревянную ступеньку. Пес тут же присел перед ним, глядя на него умильно и начал энергично подметать хвостом землю. Виктор погладил Пушка по голове. Пес, обрадовавшись ласке, потянулся к нему, намереваясь ответно лизнуть хозяина

в лицо, но Виктор задержал его за голову, нежно потрепал за уши, говоря:

– Вот так, Пушок! Скоро расстанемся мы с тобой… Может, навсегда…

Собака оживленно дернулась, потянулась к его руке. Он снова погладил ее по голове. Пушок в ответ замотал головой.

– Говоришь, не переживай… – сказал Виктор. – Но там стреляют, взрывают по-настоящему, это не компьютерные стрелялки… А если убьют? Что тогда? Мне-то всё равно, а как Наташа, Катюша, мама? Что с ними будет? Вот так, Пушок! А ты говоришь… Тяжко!

Пушок поднялся, потянулся к нему. Виктор обнял его. Пес лизнул его в нос.

– Говоришь, не все гибнут, не всех ранят… Думаешь, меня это не коснется? Может быть, может быть… – Виктор отстранил пса, потрепал его ласково. – Ты тут побольше с Катюшей играй, чтоб она не сильно скучала. Ладно?

Пес снова потянулся к нему.

– Да-да, ты прав, Пушок! Я физически крепок, могу вытерпеть многое, непривередлив в еде. Выдержу!.. А вот с Пашкой что-то случилось. Нет вестей от него. А мы с детства втроем росли.

Послышались тихие шаги в коридоре. Вышла Наташа и села на ступеньку рядом с мужем, обняла его за плечи.

– Про Пашку рассказываешь Пушку?

Виктор вздохнул:

– Пашку все любили… Я знаю, и ты его в школе любила…

– Я каждого из вас троих любила, но выбрала тебя.

Виктор ничего не ответил на ее слова. Сидели молча, слушали, как отчего-то беспокойно возился молодой поросенок в своем закутке, как негромко переговаривались гуси, видимо, обеспокоенные непонятной возней поросенка.

Перед мысленным взором Наташи вдруг возник школьный коридор, Пашка Мельников с белокурым чубом и с едва заметными усиками, сидящий на подоконнике в окружении нескольких одноклассников. Среди них она, влюбленная, очарованная Пашкой, с улыбкой и обожанием не сводит с него глаз. Он рассказывает что-то веселое, все слушают его, смеются, и громче всех она. К ней подходит ее подруга Клава и дергает за руку, просит:

– Пошли на улицу.

– Погоди! – Наташа недовольно отдергивает руку.

Потом вспомнилось Наташе, как возвращались они с Клавой домой из школы, шли по улице мимо частных домов, и подруга с досадой выговаривала ей:

– Чего ты так пялишься на Пашку? Все уже смеются…

– А разве заметно? – смутилась, встревожилась Наташа.

Она считала, что эту ее тайну никто не знает, никому никогда она не говорила, что Пашка нравится ей, что она только и думает о нем. Клава пришибла ее своим ответом:

– Весь класс уже знает… Плюнь ты на него. Разве ты не слыхала, он закрутил с Люськой из девятого.

Наташу бросило в жар от этих слов. Она онемела на мгновение, потом собралась, стараясь, чтоб подруга не поняла ее состояния, и переспросила, хотя хорошо знала эту Люську:

– Это такая дылда?

– Ну да.

– Чего хорошего он в ней нашел? – пробормотала Наташа.

– Спроси у него. Он с ней каждый вечер в Парке Победы гуляет.

В этот же вечер, как только начало темнеть, Наташа, не выдержав страданий ревности, волнуясь, смущаясь, ругая себя, поехала на автобусе в Парк Победы. Матери она сказала, что идет к Клаве. Народу в парке в тот теплый весенний вечер было достаточно много. Было безветренно, вода в пруду, словно свинцовая, стояла, не шелохнувшись. В ней ясно и чисто отражались звезды и узкий серпик только что родившейся луны. Изредка потревоженные лягушки шевелились у берега, поднимая легкие еле приметные волны, которые покачивали звезды у берега. Лягушки в пруду давали концерт на разные голоса: квакали, урчали, заливались трелями, словно старались перекричать, заглушить пение соловья, которое доносилось из зарослей ивняка. Почти все скамейки на берегу пруда были заняты людьми. Наташа долго бродила в одиночестве, высматривая Пашку с Люськой с трепетом, опасаясь столкнуться с ними лицом к лицу. Что она им скажет? Почему она в одиночестве бродит здесь? Но их не было в парке, она уже отчаялась встретить.

Народ стал расходиться по домам, скамейки у пруда опустели. Она уже решила возвращаться домой, как вдруг увидела их. Они неторопливо шли по набережной пруда. Видимо, они где-то были, может, в кафе или в кино, и только что пришли в парк. Иначе Наташа давно бы их встретила. Она с усмешкой отметила про себя, что Люська выше Пашки. Наташа, крадучись, зачем-то поплелась вслед за ними, стараясь услышать, о чем они говорят. Говорила Люська, а Пашка что-то резко, недовольно ей отвечал. Это особенно заинтриговало Наташу, но она стыдилась подойти ближе, боялась, что они увидят ее. У пруда стало совсем пустынно.

Пашка с девушкой прошли мимо скамейки под ивушкой, двинулись дальше. Но вдруг метрах в двадцати от скамейки остановились и о чем-то заспорили.

Наташа, вглядываясь в них и вслушиваясь в спор, присела на скамейку. Крик лягушек, их разноголосица мешали слушать. До нее доносились только отдельные гневные слова Пашки: «Так нельзя!»; «Зря ты!»; «Это бред!» Вдруг он громко и гневно выкрикнул:

– Пошла ты, дура! После этого я видеть тебя не хочу!

Выкрикнул, развернулся и быстро направился в сторону лавочки по берегу пруда, где сидела Наташа. Она машинально дернулась, чтобы встать навстречу ему, но сдержалась, только выпрямила сгорбленную скорбно спину.

Пашка заметил ее непроизвольное движение, взглянул на нее, подходя, узнал, приостановился и спросил недоуменно:

– Наташа? Одна? Что ты тут делаешь?

– Я люблю здесь бывать вечерами. – Наташа постаралась выговорить как можно спокойней и равнодушней. – Слышишь, как соловей заливается? И вода тихая-тихая, звезды в ней отражаются…

– Соловей? – усмехнулся Павел. – Я как-то не обращал внимания. Слышно только как лягушки орут… Можно, я к тебе сяду?

– Садись, скамейка большая…

Пашка сел рядом, совсем близко, так что его нога коснулась ее ноги. Она не отодвинулась, замерла, затаилась, пытаясь скрыть волнение и смутно чувствуя, что может быть, это ее час, может быть, Пашка наконец-то обратит на нее внимание. Он некоторое время послушал соловья и проговорил с одобрением:

– Да-а, ишь какие трели пускает… Гнездо у него должно быть где-то в кустах… А я не обращал внимания…

– Соловьи всегда поют соловьихам, чтоб им не скучно было птенцов высиживать, – ответила Наташа.

Пашка добродушно засмеялся.

– Ишь! Чтоб не скучно было… и звезды в пруду…

Он вдруг обнял ее, прижал к себе. Она не сопротивлялась, замерла. Он пальцами повернул ее лицо к себе и впился своими губами в ее губы. Она откинулась на спинку сиденья, а он, поцеловав ее, отпустил, живо поднялся и бросил ей ласково:

– Хорошая ты девчонка, но не героиня моего романа!

Павел быстро удалялся от нее по дорожке вдоль пруда. А Наташа замерла на скамейке и убито смотрела ему вслед.

Голос мужа выдернул Наташу из воспоминаний.

– На Базарной улице поток воды унес в Ворону гусыню с гусенятами, – заговорил Виктор, вспомнив рассказ Андрея Угарова.

– Тут тоже через двор поток был… Мы с мамой заранее гусенят в кошелку собрали, – ответила Наташа, стараясь говорить бесстрастно.

Она для виду зевнула, потрепала Пушка по голове и поднялась:

– Пошли спать.

Глава 5

Виктор на этот раз заснул быстро, спал крепко, проснулся бодрым без малейшего сомнения в голове. Твердо решил: еду! За завтраком не касались темы СВО. Наташа первой уходила на службу. Она работала бухгалтером в городской пожарной части. Обычно Виктор раньше ее уезжал в Дорстрой. Сегодня спешить ему было не к чему.

Проводив жену, Виктор сразу позвонил Николаю, спросил:

– Ну, что?

– Я готов, – ответил тот.

– Выезжай, жду!

Военком подполковник Булыгин Сергей Александрович, седой, с пышными усами, разговорчивый, встретил их радушно:

– Молодцы, молодцы! Договорились со своим начальником? Не прибежит он снова вас отговаривать?

– Нынче – в поле тракторист, завтра – в армии танкист, – весело ответил Николай. – Неужели нашей армии танкисты не нужны? Или вы разучились с начальничками разговаривать?

– Нужны, нужны, – проворчал с некоторой обидой подполковник Булыгин: «Сопляки учить стали… А может и к лучшему? Армии шустряки нужны, а не сопляки!»

Виктор и Николай после школы подавали документы в технический университет имени Баумана в Москве, но обоим не хватило баллов, и их призвали на срочную службу в армию. Они просились служить в танковую часть, и их просьбу удовлетворили, но направили в разные части, где они стали механиками-водителями. Получив в армии профессию, которая ценилась на гражданке, они оба стали бульдозеристами в Дорстрое. Виктор сразу женился, стало не до учебы, а Николай подумывал поступить в вуз, но так и не решил, куда подавать документы. «Отслужу по контракту, – думал он. – Потом можно будет в любой университет поступать без экзаменов».

Военком Булыгин дал им бланки анкет, ручки, усадил за стол.

– Заполняйте, не торопитесь, если что, спрашивайте, а я над отчетом поработаю.

Подполковник Булыгин вернулся за свой стол, уткнулся в компьютер, изредка неторопливо шелестя клавишами, не обращая внимания на притихших, склонившихся над листами анкет будущих воинов. Но работал он недолго, раздался стук в дверь, и на пороге кабинета появился довольно высокий, худощавый, со вздернутым курносым носом мужчина в камуфляжной форме с капитанскими погонами. Это был племянник военкома, сын его родной сестры. Увидев капитана, подполковник Булыгин оживился, быстро поднялся со скрипнувшего стула. Видно было, что он рад его приходу.

– Заходи, заходи, товарищ капитан!

Военком вышел из-за стола навстречу племяннику, и они бодро, энергично пожали друг другу руки.

Капитан Резцов с детства восхищался своим дядей-офицером. Он и в военное училище поступил только потому, что хотел быть похожим на него. В Чечне, уже при Путине, майор Булыгин был ранен, правое легкое насквозь пробила пуля, его списали из действующей армии, направили военкомом в родной городок.

– Говоришь, отгулял отпуск? – живо спросил военком.

– Нагулялся досыта! Соскучился по работе… Сегодня вечером отправляюсь, – ответил капитан Резцов.

– Отгрустил, успокоился?

– Рано, – вздохнул капитан. – Душа болит… Сашку жалко… А куда я его возьму…

– К своим родителям, поднимут единственного внука.

– Сашка к ним не захотел.

Капитан Резцов в отпуск сразу отправился с тревожным сердцем в Воронеж к жене с сыном. Он уже знал, что жена завела другого мужика. Сама объявила по телефону. По дороге думалось: «Приеду – убью!» Убьет, посадят, а сын Сашка? Ему уже четырнадцатый год. Подросток… Пропадет. Приехав, узнал, с кем закрутила жена, плюнул, хотел забрать сына к родителям. С ним сын был готов ехать хоть на передок, а к дедушке-бабушке не захотел. Был у них прошлым летом, и что-то ему у них не понравилось.

Подполковник Булыгин повернулся к заполнявшим анкету парням, кивнул в их сторону:

– Вот, Михал Антоныч, ребята контракт заполняют, познакомься, вдруг встретиться там придется. Земляки всё же, тамбовские волки!

Виктор и Николай, слышавшие разговор военкома с капитаном, догадались, что капитан был на Украине, живо отложили ручки, встали, повернулись к капитану, который с доброжелательной улыбкой разглядывал их.

– Молодцы! Тамбовских волков там не хватает. Это точно!.. Капитан Резцов. Позывной «Резец»! – протянул он по очереди свою руку парням, которые, пожимая ее, представлялись.

– Запомню: Виктор Кирюшин, Николай Черкашин, – повторил капитан Резцов и обернулся к военкому: – Ребятам не миновать учебки в Молино. А я туда инструктором долечиваться направлен. Может и встретимся.

Подполковник Булыгин ответил ему:

– Они в танкисты метят!

– Жаль, я штурму буду готовить! В Молино танкистов нет.

Военком обратился к парням, которые молча, с интересом и оживлением слушали их разговор. Капитан у них обоих вызвал симпатию: подтянутый, бодрый, добродушный. Видать, и командир он справедливый и умелый.

– Как ребята, может, вас в штурму записать? – спросил с улыбкой военком. – Или для вас что танк, что трактор –

одна цена?

– Трактор мы хорошо знаем, а танк – это возбужденный трактор! Ничего нового, скучно! В штурмах, наверно, веселее… Сила штурмы в крепком вине – пьяный штурма опасен вдвойне.

Капитан Резцов засмеялся на шутку Николая:

– То, что скучать в штурмах не придется, это факт!

– Ну что, бойцы, – вопросительно смотрел на ребят подполковник Булыгин, – в штурмы записывать?

Николай взглянул на Виктора, тот молча, соглашаясь, кивнул.

– Пишите… Только направьте в учебку в Молино, хотим к капитану, – уверенно ответил Николай.

Подполковник Булыгин обратился к капитану Резцову.

– Хорошо бы, Михал Антоныч, чтоб ты их немного просветил, к чему им готовиться.

– Это можно, – радушно откликнулся капитан Резцов. – Только не сейчас. Я на минуточку забежал, попрощаться. – Он взглянул на ребят. – Через три часа в кафе «У Потапыча» сможете?

– Непременно, – бодро согласился Николай.

Николай с Виктором приехали в кафе «У Потапыча» позже капитана Резцова. Тот уже сидел за столом в полупустом кафе, обедал. Увидел ребят, махнул им рукой и тут же позвал официантку, молодую, но уже полненькую Сашурку. Ребята

ее знали, изредка забегали в кафе дернуть пивка. Она быстро и легко, несмотря на свою полноту, подошла к столу, за которым усаживались ребята. Николай взглянул на нее с улыбкой и заговорил с задором:

– Как я всегда любуюсь тобой, Сашурка! Ты подплываешь к столу грациозно, как белый лебедь, в своем белоснежном фартучке.

Официантка, привыкшая к шуткам Николая, улыбнулась всем сразу и спросила:

– Что пить будете? Пиво, водку?

– Воду! Газированную воду… Борщ, котлетку и кофеек… А ты? – взглянул Николай на Виктора.

– Мне то же самое.

Сашурка качнула головой и пошла на кухню.

– Выпейте, пока вы здесь… там не придется даже пробку нюхать, – сказал капитан Резцов, ножом аккуратно отрезая кусочек от шницеля. – На меня не смотрите, я за рулем… Там свежая голова нужна каждую секунду.

– Так мы и поверили, – всё тем же шутливым тоном, каким он разговаривал с официанткой, произнес Николай. – Даже Сталин перед боем по сто граммов водяры наливал.

– Приедешь – проверишь, если жизнь не дорога, – спокойно жевал шницель капитан Резцов. – Вагнеровцы за пьянку своих просто пристреливают. Так в контракте указано. Вы подписывали контракт, внимательно читали его?

– Через строчку, – усмехнулся Николай.

– А надо было, как стихи учить, наизусть!.. Так что не стесняйтесь, заказывайте водочки, пока можно.

– Я за рулем, дома приму, – серьезным тоном ответил Николай и с доброжелательной улыбкой взглянул на друга. – А вот Витюхе можно, он без руля.

– И без ветрил, – ответил Виктор. – Не, один я не буду, – и посмотрел на капитана, спросил о том, что его мучило: – Чего нам там ждать? К чему готовиться?

– Подготовиться ко всему невозможно, – вздохнул капитан Резцов. – Там будет не так, как вы читали, и не так, как вы думаете. Никто вам не скажет, как будет у вас.

– А всё-таки? – настаивал Виктор.

– Смиритесь, что с вероятностью пятьдесят на пятьдесят вы оттуда не вернётесь. Закончите свои дела дома, перепишите имущество, если оно есть, на родственников, чтобы после вашей смерти у них не возникло недопонимания между собой.

– Не особо оптимистично… – с усмешкой хмыкнул Николай. – Мы думали, вы нам романтику боя, язык батарей будете описывать. Кто не курит и не пьет, тот таскает миномёт.

– Романтика такова, – серьезным тоном ответил капитан Резцов. – Когда едешь на войну – надо мысленно умереть. Мне это помогало выжить… Иногда всё идет не так, как хочется. Тогда остаётся одно: идти вперёд. Штурмуйте. Штурмуйте отважно. Красивая смерть – это того стоит!

Виктор слушал невесело, напряженно, воспринимал сло-

ва капитана, как самую глубокую, коренную правду о войне, а Николаю не нравился настрой капитана, который, по его мнению, почему-то пытался их напугать, вместо того чтобы внушить оптимизм и бесстрашие. Ему захотелось перебить шуткой мрачные слова капитана Резцова, и он заявил:

– Я боюсь умереть какой-нибудь таинственной смертью. Боюсь, мои родители пойдут на «Битву экстрасенсов», где им расскажут про меня всю фигню.

Но капитан не захотел переходить на легкий шутливый тон, на душе его было всё ещё неспокойно из-за потери жены, которую он любил и так неожиданно утратил, поэтому продолжил серьезно:

– Шутки шутками, но, чтобы не расстраиваться, считайте, что вас никто туда не звал, это ваше личное решение и обязанность как мужчины. А то вы вернётесь оттуда и будете думать, что вам все обязаны. Мужчина сам несёт за себя ответственность. Будьте мужчинами.

– Как в анекдоте, – ухмыльнулся Николай. – Мужчина захотел – мужчина сделал. Мужчина не захотел – мужчина не сделал. Мужчина не захотел, но сделал – мужчина женат!

Капитан Резцов грустно улыбнулся на его слова и спросил:

– А вы женаты?

– Меня Бог миловал, – ответил Николай. – Но я понимаю: каждый мужчина рано или поздно должен жениться. В конце концов, счастье не главное в жизни.

«Да, счастье мне женитьба не принесла… – усмехнулся

про себя капитан Резцов. – Впрочем, первые года три я был точно по-настоящему счастлив!»

Николай жил с родителями, с девчатами встречался, но считал, что жениться ему рано, надо нагуляться вдосталь. Девушки у него в эти дни не было, не с кем было расставаться, не по кому грустить.

Капитан Резцов повернулся к Виктору:

– А ты, выходит, уже утратил счастье и мечтаешь обрести его на передке?

– У меня хорошая жена, дочка, мать… Зарплата приличная. Не бедствуем, – по-прежнему на полном серьезе ответил Виктор. – Но надо… Кто-то должен Родину защищать. Почему не я?

– Я женюсь, как только найду такую жену, как его Наташка, – проговорил Николай.

– Чего искать? Отбей у друга, – пошутил, усмехаясь, капитан Резцов. – Обычно жен у друзей отбивают.

Виктору не понравились слова капитана, он знал, что Наташка в школе очень нравилась Николаю, а ей нравился Пашка. Вся школа знала, что Наташка в десятом классе влюбилась в Пашку. И тот знал, но встречаться стал с девчонкой из девятого класса. Но Виктор почувствовал, что капитан произнес слова: «Обычно жен у друзей отбивают» с какой-то болью. Он не знал, что жену у Резцова увёл именно его давний и, как он считал, надёжный друг.

– Зачем мне жена, которую можно отбить? Я отобью, по-

том у меня отобьют, я, что ли, последний красавец на земле, – таким же шутливым тоном ответил Николай капитану и добавил серьёзно. – Наташку не отобьешь, мы ее с детства знаем. Трое за ней ухлестывали, а Витёк оказался шустрее нас… – И вздохнул: – У нас друг недавно без вести пропал. Вместе росли… Может, в плену, может, убит… Если бы мы были там, как мне кажется, он бы спасся…

– Он был штурмой?

– Летчик… Летал на штурмовике.

– Ну, с летчиками вам соприкасаться не придется… Ваша судьба от них будет зависеть, а ихняя от вас – нет.

Официантка Сашурка принесла еду Виктору с Николаем и начала расставлять тарелки перед ними.

Глава 6

Настал день отъезда. Виктор в прихожей своего дома собирал вещи в дорогу. Наташа с заплаканными глазами помогала, свертывала аккуратно белье и подавала ему, а он укладывал в рюкзак. Мария Дмитриевна с Катюшей тоже были здесь. Мария Дмитриевна, наблюдая за укладкой вещей, изредка подсказывала, что ещё нужно взять.

– Старые люди говорят, что надо взять из дома какую-нибудь вещь, чтоб вернуться.

– Какую вещь? – уныло ответила Наташа, сдерживая раздражение. – Где он там будет ее держать? Вон по телевизору показывают, по какой грязюке они таскаются.

Мария Дмитриевна, чувствуя настроение снохи и понимая ее состояние души, ответила как можно доброжелательней, примирительней:

– Какая не в тягость. Я знаю что… Сейчас принесу!

Мария Дмитриевна спешно вышла из прихожей в горницу, а Виктор с женой продолжили собирать рюкзак. Наташа всхлипнула и подала сразу несколько пар шерстяных носок, связанных матерью.

– Говорят… там носки быстро снашиваются…

Виктор послушно сунул носки в рюкзак. Он мучительно старался не смотреть на любимое лицо страдающей жены, на милое нежное личико дочки, с любопытством наблюдающей

за сборами отца, не понимая, что он расстается с ними надолго, может быть, навсегда, боялся не удержаться, зарыдать вместе с женой.

Мария Дмитриевна поспешно вышла из горницы, боясь опоздать, и протянула сыну старую алюминиевую ложку с отбитым осколком краем.

– Возьми.

Наташа забрала ложку у Виктора, стала крутить в руке, рассматривая.

– Стыдно такую ложку брать. Ей есть нельзя, вон какая щербинка. Лучше возьми новую, стальную.

– Эта ложка бесценная, – благожелательно и ласково заговорила Мария Дмитриевна. – Солдат той войны подарил её моему отцу. Бабушка рассказывала, наши солдаты возвращались после боев в Воронеже и зашли в нашу деревню на ночлег. Несколько солдат остановились у бабушки. Отец тогда ребенком был, пять лет. Один из солдат подружился с ним, играл весь вечер, а утром, уходя, не зная, что оставить мальчику на память, подарил ложку. Это солдатская ложка! Мы ее столько лет берегли, держи при себе, она легкая, не обременит…

Виктор взял ложку у Наташи и приобнял, поцеловал мать в щеку.

– Спасибо, мам! Я ее сберегу, вернусь с ней домой.

В учебном центре в Молино новобранцев переодели в ка-

муфляжную форму и повели к кадровику на главную процедуру: получать жетон с номером, который заменит им на время службы гражданский паспорт, и позывной, то есть новое имя. Виктор с Николаем приготовили несколько позывных, которые им очень нравились. Оба хотели взять позывным – «Волк», ведь они оба тамбовские волки. Но один и тот же позывной брать было нельзя, и они бросили жребий, кто из них станет «Волком». Выпало Виктору. Очередь к кадровику они заняли друг за другом. Первым вошел Николай, а когда он вернулся, с улыбкой рассматривая новый жетон, в кабинет сразу отправился Виктор, не успев выяснить, какой позывной взял его друг.

Кадровик, капитан, худой с желтым лицом со впалыми щеками, видимо, больной, устало выяснил, как зовут Виктора, пощелкал по клавишам компьютера, взял один жетон из ящика стола, напечатал его номер в компьютере и протянул Виктору.

– Теперь это твой второй паспорт. Беречь его надо сильнее первого. Он всегда должен быть при тебе.

Виктор взял жетон, стал разглядывать его.

– Придумал себе позывной? – по-прежнему устало спросил кадровик.

– Я – тамбовский волк. И позывной у меня должен быть «Волк».

– Извини. Звери-птицы все разобраны, остался один – «Петух». Записывать?

– Нет, не надо, – поспешно ответил Виктор, чувствуя обиду, решив, что Николай, несмотря на жребий, перехватил у него такой заманчивый позывной.

– Какой позывной записывать? – с некоторым раздражением спросил кадровик, мол, не задерживай.

– «Увар»! Не занято? Я из Уварово, был такой святой Увар.

Кадровик быстро зашлепал по клавишам, говоря:

– Святой был Уар. Римский воин.

– По-римски – Уар, по-русски – Увар.

– Увар так Увар. Поздравляю с жетоном и позывным. Зови следующего!

Виктор направился к двери, думая с горечью: сейчас он выскажет другу за украденный позывной. Так друзья не поступают, тем более на войне.

Виктор с угрюмым видом вышел в коридор, где толпились новобранцы, буркнул:

– Следующий!

К нему тут же с заинтересованной улыбкой подошел Николай, спросил:

– Какой позывной взял?

– А ты? – хмуро переспросил Виктор, пристально глядя в глаза друга. Он ожидал, что тот ответит – «Волк», но Николай ответил неожиданно спокойно и просто.

– «Мучкап».

– «Мучкап»? – радостно воскликнул Виктор.

– А что тут такого? Ты что, не слышал, что ли, про поселок неподалеку от нашего Уварова? – удивленно ответил на радостный возглас Виктора и, взглянув на жетон в его руке, попросил: – Дай-ка посмотреть!

Виктор с удовольствием протянул ему жетон, и Николай стал сравнивать его со своим.

– В одной цифре только разница… – И усмехнулся, возвращая жетон. – Капитан предлагал тебе позывной «Петух»?

– Предлагал.

– А ты?

– Я теперь Увар! Был такой святой.

Николай спросил с удивлением:

– Святой? Не слышал о нём. Наше Уварово по имени святого названо? Кто он такой?

– Римский воин. Соратник наш.

– А я что ни назову, всё занято. Пришлось взять позывной по названию соседнего поселка.

Они в разговоре не заметили, как в коридор вошел капитан Резцов, окинул взглядом новобранцев и громко спросил:

– Кирюшин, Черкашин здесь?

Виктор с Николаем с удивлением оглянулись в ту сторону, откуда раздался голос.

– Товарищ капитан! – возбужденно воскликнул Николай.

Он первым поспешно направился сквозь расступающуюся перед ним толпу новобранцев к стоявшему у входа капитану Резцову. Виктор следом.

Капитан с улыбкой пожал им руки.

– С прибытием. Я записал вас в свою группу. Завтра на полигон!

Глава 7

В этот же день новобранцы получили полную экипировку: ременно-плечевые системы со множеством кармашков, бронежилеты, шлемы, автоматы с четырьмя рожками набитыми патронами, спальные мешки, аптечки, небольшие китайские рации и другую необходимую в бою мелочь, вроде специальных очков, перчаток и т. д. Всё это важнейшее для бойца добро весило, как прикинул Виктор, не менее двадцати пяти килограммов. Ого, как же в жару такое на себе целыми днями таскать?! Николай посильнее, ему проще, вон, как веселится, разглядывая полученное обмундирование.

Николаю больше всего понравился шлем. На лбу у него было гнездо для видеокамеры.

– Смотри, – показал он шлем Виктору. – Надо видеокамеру добыть. Буду снимать военные ролики.

Утром всех новобранцев в полной выкладке вывезли на полигон. Группа капитана Резцова из двадцати будущих штурмовиков выстроилась по стойке «смирно» в одну шеренгу. Перед ними со строгим видом прохаживался, бегло осматривал каждого бойца, инструктор Резцов.

Полигон был покрыт невысокой весенней травкой. Здесь, на юге, было намного теплее, чем дома. Вдали виднелся зеленый холм, покрытый кое-где невысокими деревцами и кустами с яркозелеными молодыми листьями. На его склоне

застыл разбитый бронетранспортер. Метрах в ста от холма, неподалеку друг от друга, составлены стенками разной высоты темнозеленые деревянные ящики, видимо, из-под снарядов, чуть правее возвышалось полуразрушенное трехэтажное кирпичное здание, возле которого стояли две деревянных избы с зияющими черными проемами выбитых окон и пробитыми в нескольких местах шиферными крышами, а левее виден был окоп с невысоким бруствером.

В том месте, где выстроилась группа капитана Резцова, трава была вытоптана до голой сухой земли. Потихонечку веял, обдувая замерший ряд солдат, свежий с утра бодрящий ветерок, а солнце на ясном утреннем небе начинало греть полетнему. Виктор, у которого чуть ли не подгибались ноги от тяжести обмундирования, изо всех сил крепился, старался не показать, что ему тяжко. Он уже вспотел, хотя после высадки из автобуса прошел всего несколько шагов, чувствовал, как пот собирается под каской и вот-вот струйкой потечет по виску. Капитан Резцов остановился перед ним, окинул его оценивающим строгим взглядом. Виктор даже дышать перестал, тужился, тянулся по стойке «смирно».

Капитан понял его состояние, подумал: «Туго ему будет… Должен выдержать, стержень чувствуется… Как он похож на сына Сашку!» – удивился вдруг Резцов и шагнул дальше, взглянул на Николая, который держался уверенно, бодрячком, словно полная выкладка была ему привычна, и он готов бежать в ней хоть сейчас марш-бросок на любое расстояние.

У Николая на животе в кармашках ременно-плечевой системы, как и у всех, было четыре автоматных рожка с набитыми патронами. «Этот нигде не пропадет», – мелькнуло в голове капитана, и он скомандовал:

– Рядовой Мучкап, два шага вперед!

Николай прытко, уверенно, строевым шагом вышел из строя, а капитан Резцов тут же скомандовал ему:

– Ложись! Ползи!

Николай попытался легко и ловко упасть на землю и ползти, но получилось у него несколько неуклюже, мешал автомат, гремел на сухой земле. Николай неловко поправил его и попытался ползти, но рожки на животе мешали ему. Он старательно поднимал зад, дергался, отталкиваясь от земли локтями и коленями.

Капитан Резцов обратился ко всем строгим голосом:

– Смотрите, как у него зад торчит из-за подсумков с магазинами на животе. Прекрасная мишень!

Потом скомандовал Николаю.

– Мучкап, у тебя закончились патроны в магазине, заменить на новые!

Николай отстегнул рожок автомата, приподнял зад, чтоб вытащить новый.

– Мучкап, ты убит. Встать в строй! – скомандовал капитан Резцов.

Николай с расстроенным видом взял с земли рожок, вставил его в автомат и встал в строй. Капитан Резцов снова об-

ратился ко всем.

– Я понимаю, вы видели на фото бойцов, у которых на животе подсумки с магазинами. На фотографиях те, кто не ходит в атаку, не ползает по земле. Рожки должны быть только на боку, чтоб в бою можно легко их вытаскивать и менять, не поднимая зад, не рискуя вернуться домой со второй дыркой в заднице… Это аксиома!

Капитан Резцов неторопливо прохаживался перед строем и громко и строго рассказывал о программе, которую они должны пройти за два месяца:

– Мы с вами пройдем стандартную программу обучения.

Первое – обращение с оружием: меры безопасности, устройство, устранение неисправности, стойки для стрельбы – стоя, с колена, лежа, смена направления при стрельбе, смена рук.

Во-вторых, тактика: условные знаки, передвижение двойками, тройками и малой группой. Передвижение в лесополосе и городе. Штурм-зачистка окопов, штурм зданий. Действия группы в наступлении и обороне.

Вам расскажут, покажут и научат, как останавливать все виды кровотечений на туловище и конечностях. Что делать при сквозном и слепом пулевом ранении. Что делать при контузии. Эвакуация раненого. И все это под огнем противника.

Вас научат пользоваться рацией, правилам радиообмена и шифрования передаваемых сведений. Узнаете об ориен-

тировании на местности, определении местоположения противника и его артиллерии.

Во время учения в вас будут стрелять боевыми патронами. Только от вас зависит, будете вы позорно ранены или убиты ещё в учебке.

И жить вы будете не в казарме в теплой постели, где ночевали сегодня, а вон в тех палатках, – указал капитан Резцов на ряды палаток, видневшихся неподалеку, – в своих спальниках, но большую часть ночей в учебке вам придется спать в окопах, не раздеваясь, в полной боевой выкладке. Считайте, что вам повезло, спать в окопах вам придется летними ночами, а тем, что прошли курс перед вами, пришлось ночевать в холод в мокрых и грязных окопах. Считайте, что вы счастливчики, правильно выбрали время, чтоб подписать контракт.

И началось! Каждый день с утра, а когда и ночью поднимали по тревоге, работа, работа, работа. Виктор забыл, что такое бессонница. Валился спать при первой возможности и отрубался мгновенно. Неважно было где: в спальнике или на голой земле. Отдыхали лишь в те часы, когда их учили оказывать первую помощь раненым и себе, да тогда, когда тренировались правилами радиообмена, определением местоположения противника.

К своему удивлению, Виктор довольно быстро привык к тяжести экипировки, к концу недели стал ловить себя на мысли, что с удовольствием надевает на себя шлем, броне-

жилет, рассовывает по кармашкам ременно-плечевой системы необходимые в бою вещи. Однажды поймал себя на мысли, что играет в бойца, старается быть одним из лучших, старается не подвести сослуживцев. И это ему удавалось, хотя сам он был недоволен своими некоторыми действиями: слишком медленно он делает ту или иную операцию.

Глава 8

Через две недели интенсивной учебы группу капитана Резцова привезли в казарму на два дня помыться, привести себя в порядок, отдохнуть. Эти дни выпали как раз на майские праздники. Но ещё в автобусе капитан Резцов предупредил бойцов, что расслабляться не даст, в казарме продолжатся тренировки работы с правилами радиосвязи, по оказанию первой помощи раненым и обращению с минами и растяжками.

Виктор в казарме скинул с себя шлем, разгрузку, бронежилет и сразу попросил у капитана Резцова свой телефон. Все бойцы оставляли телефоны у инструктора перед выездом на полигон. Виктор с Николаем по совету капитана перед отправкой в часть приобрели кнопочные телефоны и попросили родных не звонить им никогда, ведь по их звонку враг может сразу определить, где они находятся, и убить. Позвонив, родные невольно станут убийцами своих близких. Бойцы сами позвонят, как только появится такая возможность. Капитан Резцов, чтоб бойцы привыкли к тому, что звонить домой из окопов нельзя, сразу приказал сдать всем телефоны перед выездом на полигон. Хотя звонить во время обучения не запрещалось. Пусть привыкают, меньше соблазна будет в реальном бою. Сколько уже бойцов погибло из-за таких нетерпеливых любителей поболтать с друзьями!

Получив телефон, Виктор пробрался к выходу по узкому проходу казармы мимо разоблачавшихся однополчан, нетерпеливо включая на ходу телефон, нажал кнопку, с волнением прижал телефон к уху и выскочил во двор. Едва за ним захлопнулась дверь, как ему в ухо нежно ударил восхитительный голос жены.

– Наташенька, привет! С праздником! – восторженно заорал Виктор. – Целую, целую, целую!

– Ой, как мы ждали твоего звонка! – воскликнула Наташа. – Две недели из рук телефон не выпускала!

– Как у вас дела? – с нежностью в голосе кричал Виктор. – Не болеете? Как Катюша, мама, как сама?

– У нас-то что… Всё по-прежнему, только скучаем по тебе. Особенно Катюша! Как солнце садится, бежит к окну, говорит: сейчас папка придет. Все мы переживаем за тебя.

– Не переживайте! Я пока в учебке. Я представить себе не мог, сколькому нужно научиться. День и ночь нас гоняют.

Наташа, разговаривая по телефону, в волнении нервно ходила по мягкому паласу горницы. Мария Дмитриевна, вскочив с кресла, когда услышала звонок от Виктора, не сводила глаз со снохи. Она поняла по ее ответам, что сын жив-здоров и начала успокаиваться, ожидая возможности услышать голос Виктора. А Катюша всё время ходила за разговаривающей матерью, тянула руки к ней, чтоб самой поговорить с папой.

– Ты не ленись, не ленись, – успокаиваясь, говорила Ната-

ша в телефон, – потом тебе всё пригодится. От этого жизнь твоя зависит.

– Я понимаю это, Наташенька! Стараюсь всё выработать до автоматизма.

– Помни о нас, не ленись. Без тебя мы пропадем… Мама молится о тебе ночами.

Наташа не удержалась, всхлипнула.

– Не плачь ты, милая, не плачь! Я вернусь! Я непременно вернусь.

– Тут Катюша тянется к телефону, что-то хочет тебе сказать. Целую тебя, целую, люблю!

Наташа протянула телефон дочери. Катюша схватила его и закричала в трубку:

– Папа, папа, я скучаю по тебе! Ты скоро приедешь?

– Скоро, дочка, скоро! Жди! Ты говорила, что рисунок нарисовала, прислать мне хочешь?

– Да, да, папа! Мы с мамой письмом отправили. Ты получил?

– Нет ещё, не дошло. Буду ждать!.. Расскажи, Мишка с Дашкой подружились? Не дерутся, как Пушок с Дашкой?

– Подрались, пап, один раз подрались. Мишка сидел на диване, никого не трогал, а Дашка набросилась на него и давай ему живот когтями драть, а он свалился на нее. Дашка перепугалась и бегом в нашу спальню.

– Молодец Мишка! Постоял за себя, – засмеялся нежно Виктор. – Больше не дрались?

– Нет… Дашка теперь даже спит с ним на диване. Прижмется к его ноге головой, мырлычет, спит.

– Молодец, дочка! Теперь тебе осталось подружить Пушка с Дашкой.

– Они не хотят дружить. Пушок увидит ее и рычит, а Дашка сидит на пороге и грозит ему лапой, дразнит… Папа, я скучаю по тебе! Приезжай!

– Приеду, жди! Целую тебя, дочка, целую!

– Целую, целую, папа!

Катюша вернула телефон матери, а та передала его свекрови. Поговорив с сыном, Мария Дмитриевна отключила телефон и вздохнула.

– Всё учится… Тяжелая наука воевать…

– Папа сильный! – ответила ей Катюша.

– Пуля не выбирает, сильный ты или слабый, – вздохнула Наташа своим тревожным мыслям.

Глава 9

Виктор стоял в окопе, навалившись грудью на невысокий бруствер и стрелял короткими очередями из ручного пулемета Калашникова по мишеням, которые торчали метрах в двухстах от окопа.

Мишени одна за другой медленно опускались на землю после каждой очереди Виктора. Позади него стоял, неотрывно наблюдая за ним, капитан Резцов.

Чуть в стороне в окопе группа солдат дожидалась своей очереди пострелять по мишеням. Среди них был Николай. А чуть дальше другая группа стреляла из пулемета по своим мишеням.

Отстрелявшись, Виктор оторвался от края окопа, взглянул вопросительно и торжествующе на инструктора и отошел от пулемета. Удовлетворенный результатом стрельбы своего земляка, капитан Резцов похвалил его.

– Молодец, Увар! Без промаха!.. – и позвал следующего бойца. – Орешек, к ПКМ!

Высокий, плечистый верзила, сильный на вид боец с готовностью подскочил к пулемету, прилег на бруствер, стал прицеливаться, ожидая, когда поднимутся мишени. Как только они появились, боец вдруг подхватил пулемет, вскочил в полный рост на бруствер и начал поливать очередями из пулемета по мишеням, крича во всю глотку:

– Получайте, гады! Нас не возьмешь!

Все мишени были поражены. Боец с радостным лицом спрыгнул в окоп. Николай засмеялся с восхищением и воскликнул:

– Рэмбо!

А боец поставил пулемет на бруствер на прежнее место и с победительной улыбкой, ожидая одобрения, обратился к инструктору:

– Ну как!

– Плохо! Ты убит! – усмехнулся капитан Резцов.

– Как? – удивился боец, ожидавший похвалы.

– Вот так!

Капитан Резцов обратился ко всей своей небольшой группе.

– Запомните! На передке даже в окопах вы не будете никогда ходить в полный рост. Только согнувшись, только на карачках. Больше ползать придется, а не ходить.

– Товарищ капитан, можно я буду пулеметчиком? – попросил инструктора отстрелявшийся боец. – Крутая игрушка. Она мне по рукам.

– Это можно… – согласился капитан Резцов. – Только, если будешь играть в Рэмбо, второго боя у тебя не будет.

С этого момента дюжего бойца с позывным «Орешек» стали звать «Рэмбо». И он охотно с удовольствием откликался на это имя.

На следующий день группу Резцова снова привезли в ка-

зармы на отдых. Поговорив со своими женщинами, успокоив их, Виктор вечером сидел на кровати и подтягивал ремни ременно-плечевой системы. Ему показалось, что они не отрегулированы, слишком давят на плечи. Рядом на своей кровати Николай точил саперную лопатку. Он потихоньку попробовал лезвие пальцем и стал водить лезвием лопаты по своим белесым еле заметным волосам на руке.

– Бреет, – засмеялся Виктор, взглянув на него.

– Не заметно, – пробурчал Николай, посмотрел, как тот регулирует ремни, и заявил: – Без нагрузки сложно отрегулировать, чтоб семьдесят процентов веса было на ремне, а тридцать на плечах.

– Я сначала под свой рост сделаю, а потом уж дорегулирую с грузом, как надо.

Мимо них проходил верзила Рэмбо, крупный, сильный, уверенный в себе. Николай с улыбкой обратился к нему:

– Лихо ты, Рэмбо, вчера нациков косил.

– Я их буду не только косить из пулемета, зубами рвать, ножами резать, – убежденно и победительно произнес, приостанавливаясь возле них, Рэмбо.

Сержант Хрунов, лежавший неподалеку на своей кровати с книгой в руке, оторвался от чтения и с еле заметной усмешкой вмешался в разговор:

– В рукопашной ты схватишься с нациком, как в кино, если потеряешь свой пулемет, гранаты, нож, саперную лопатку, и если найдешь нацика, который потеряет всё то же самое

и пожелает с тобой схватиться один на один.

– Бой покажет! – ответил гордо Рэмбо.

– Хочешь анекдот про Рэмбо? – спросил у него Николай.

– Давай.

– Рэмбо звонит по телефону: – Алло, я – Рэмбо, это МЧС? Вы можете мне помочь? – Конечно, помогать гражданам наш долг. – Вы можете приехать, поменять памперс, у меня ребенок обосрался, а жены дома нет.

Сержант Хрунов засмеялся, а Рэмбо, задетый невинной насмешкой Николая, молча пошел дальше. Виктор проводил его взглядом.

– Бесстрашный… – проговорил он с некоторой завистью. – А я боюсь. Не знаю, как я выдержу…

– Если тебя посещают мысли о смерти – это полбеды, – пошутил Николай. – Беда – когда мысли о твоей смерти посещают кого-то еще…

Виктор со вздохом оглядел казарму, где бойцы в свое личное время занимались своими делами.

– Все живут своей жизнью, а только Богу известно, кто из нас даже первый бой не переживет.

– Брось! – твердо сказал Николай. – Выкинь эти хреновые мысли из головы. Для того мы и учимся, чтоб выжить.

Виктор посмотрел на сержанта Хрунова, который продолжил читать книгу.

– Хрунов мне нравится. Всегда спокоен, всё знает, всё умеет, каждое упражнение с первого раза у него отлично по-

лучается. А на вид щупленький, не сразу поймешь, что он прекрасный боец.

– Он не щупленький, жилистый, гибкий, как сталь, всю жизнь воюет, – ответил Николай. – Где только не был.

– А почему он в учебке, а не на передке?

– Он после ранения. Хотел сбежать на передок, но начальство решило, пусть ещё пореабилитируется. Помимо ранения, у него контузия сильная была.

– Что он всё время читает?

– Методички и наставления времен Отечественной войны…

Виктор отставил своё занятие, поднялся и подошел к Хрунову.

– Товарищ сержант, скажите, пожалуйста, вы «Отче наш» знаете?

Хрунов опустил на грудь книгу, посмотрел с недоумением на Виктора, не подвох ли это какой. Потом ответил:

– Знаю…

– Продиктуйте мне, пожалуйста, я запишу!

– Бери ручку.

Хрунов диктовал, а Виктор записывал на листок. Молитва оказалась короткой, всего несколько предложений. Николай с удивлением поглядывал на них, продолжая точить свою лопату. Когда Виктор вернулся на свое место, Николай спросил с усмешкой:

– Хрунов тебе анекдот диктовал. Сказал бы мне, я бы тебе

сам с десяток записал.

– Это молитва «Отче наш», – серьезным тоном ответил Виктор и показал листок.

– Ух ты… – сразу изменил тон Николай. – Выучишь, дай мне!

Сорокалетний небритый боец с позывным «Лучик», читавший что-то за столом в своем смартфоне, вдруг поднял голову и объявил всем:

– Ребята, оказывается, мы все лишние люди!

– Как это? Не понял? – спросил у него молодой боец с позывным «Филат», сидевший рядом.

– Пишут, что все добровольцы, то есть мы, лишние люди! Не нашли своего места на гражданке и пошли сюда по контракту, – ответил Лучик.

– А ты разную хрень не читай, – отозвался Николай. – Мало ли что дурак напишет!

– Это не дурак пишет, – ответил Лучик. – Полковник, бригадой командовал. Себя он тоже называет лишним человеком. В этом что-то есть… Я никогда не думал, что я лишний человек, не считал себя Печориным или Онегиным, но места мне на гражданке не было. Единственный завод в нашем городке закрылся, и всё, работать негде, кормить семью нечем. Выходит, и вправду лишний.

– А мы с Витьком не были лишними, – сказал Николай. – Работа денежная, бульдозеристы. Сначала с нами даже контракт не захотели подписывать, сказали, вы здесь нужнее.

– А какого же хрена вы здесь оказались? – спросил Филат.

– Ты слышал когда-нибудь, что одним из главных законов в действиях человека является подражание? Всем нам хочется быть сильными, уважаемыми, любимыми, смотрим мы на таких людей и хотим быть такими же. С детства мы росли втроем: Витек, я и Пашка, мушкетерами нас прозвали. Пашка у нас был заводилой: красавец, высокий, ловкий, вылитый Атос…

– А ты, выходит, был Портосом, – вставил Филат.

– Ну да… Не знаю, как Витёк, а я всегда подражал Пашке, хотелось быть таким же любимым всеми.

– Мне тоже хотелось быть таким, как Пашка, – вмешался в разговор Виктор.

– После школы Пашка в летное училище поступил, – продолжил Николай, – стал военным летчиком, с первого дня на СВО. Я ему завидовал. Главным мужским делом занимается, а я в тылу околачиваюсь. Недавно Пашка без вести пропал, и мы с Витьком сюда.

– За дружка мстить? – спросил Лучик.

– Не это главное, – ответил Николай, – но это тоже мотив.

– Если хорошенько покопаться в себе, – заговорил Виктор, – то можно с десяток мотивов выкопать, понять, почему мы здесь. Разве не важный мотив: оставить память о себе? Помните, что обещают над гробом человека? Вечную память! Венец каждой человеческой жизни есть память о ней. Дочке моей четыре годика, вырастет она, народит мне вну-

ков, и вот однажды внучек спросит меня: «Деда, когда ты был молодой, была война с фашистами, что ты делал тогда? Где ты был?»… Что я ему отвечу? Отсиделся на печке. Будет ли он меня уважать, подражать мне, вспоминать меня с гордостью, когда вырастет? Разве есть хоть одна живая душа, которая не томилась бы втайне мечтой о вечной памяти?

– Вечная память будет, если твоим именем улицу назовут или школу, – согласился Лучик.

– Разве мало улиц названо героями СВО?

– Во, здорово, если нашу улицу Зеленую назовут моим именем, – засмеялся Николай. – Улица Черкашина, а? Неплохо звучит! Через сто лет будут спрашивать, кто такой Черкашин…

– А ему ответят, – перебил Филат, – был такой балабол, баламут, ни секунды помолчать не мог.

– Ну, не завидуй, не завидуй, – засмеялся Николай.

Филат был такой же балагур и анекдотчик, как и Николай. Он был родом из Тамбова, земляк, разговорчивый, добродушный, поэтому Николай с ним быстро сошелся.

Глава 10

И снова полигон, снова учеба, снова стрельбы. Жарко. Солнце. Горячий воздух на горизонте струился, как жидкое стекло. На небе ни облачка. Капитан Резцов перед своей группой из окопа целился ручным противотанковым гранатометом в разбитый танк, стоявший метрах в двухстах от него. Выстрел. Граната взорвалась точно на танке. Резцов обернулся к солдатам.

– Кто хочет попробовать?

Виктор первым обратился к нему.

– Можно мне?

– Давай гранату.

Виктор взял гранату из стоявшей в окопе сумки и подал капитану. Тот показал всем, как нужно заряжать гранатомет.

– При зарядке гранатомета надо проверить: не взведен ли курок, поставить гранатомет на предохранитель и подать его несколько назад; взять гранату в левую руку за реактивный двигатель, вставить двигатель в дульную часть ствола и дослать выстрел так, чтобы фиксатор гранаты вошел в специальный вырез на дульной части ствола до упора.

Рассказывая, он зарядил гранатомет и передал Виктору. Тот пристроил его на своем плече, прицелился в танк и выстрелил. Граната взорвалась позади танка, взметнув вверх столб пыли.

– Промазал, – выдохнул с огорчением Виктор.

– Где самое безопасное место при стрельбе, рядовой Увар? – шутливым тоном спросил Николай. И сам же ответил другим тоном: – За моей мишенью, товарищ сержант.

Но инструктор успокоил Виктора:

– Ты хотел с первого выстрела цель поразить? Будем учиться. Я покажу, как работать с РПГ. – И обратился к группе. – Кто ещё хочет попробовать?

Сержант Хрунов молча подошел к нему. Капитан Резцов передал ему гранатомет и достал из сумки гранату. Хрунов быстро и ловко зарядил и вскинул гранатомет на плечо и, почти не целясь, выстрелил. Граната взорвалась на танке. Хрунов также молча вернул гранатомет капитану Резцову.

– Вот так, – удовлетворенно сказал капитан Резцов, – до автоматизма будем тренироваться заряжать и стрелять точно в цель… А сейчас десятиминутный перекур.

Бойцы в полной выкладке, в брониках, в разгрузках с подсумками, набитыми тяжелыми магазинами, только шлемы сняли, стали располагаться кто на теплой траве, положив рядом автомат, кто в тенечке на дне окопа с автоматом на коленях, потянулись в карманы за платками, начали вытирать потные головы, лица.

Майское солнце застыло на самой высоте, уже не греет, а печет. Тихо. Ни ветерка. Дым от сигарет не рассеивался, застывал на месте.

Виктор, не снимая шлема и лежа на животе, растянулся

на траве и начал тренироваться. Он мигом отцеплял магазин от автомата, откладывал его в сторону и старался как можно быстрее вытащить другой рожок с патронами из подсумка и вставить в автомат. Делал он это несколько раз. Капитан Резцов курил, сидя на краю окопа, свесив ноги вниз, и посматривал на тренировку Виктора с отеческой улыбкой, как на своего сына. «Сашка сейчас в школе, – подумал он. – Вспоминает ли он меня? Что он обо мне думает?» – вздохнул капитан.

– Отдохни, умаялся! – обратился Николай к Виктору.

Он не курил, сидел на траве рядом и посматривал на друга. Виктор с сожалением в голосе откликнулся на его слова.

– Не получается быстро! В бою будет каждая секунда дорога. Надо тренироваться и тренироваться.

– Солдат тренировался, тренировался и малость перебрал, – сказал Николай. – А ведь его предупреждали: не пей последнюю рюмку.

– Тише! Никому не рассказывай! – повторил Виктор свою поговорку и продолжил тренировку.

А Николай отвалился на спину на траву, раскинул руки и выдохнул:

– Эх, сегодня воскресенье! Сейчас девки на Вороне загорают на песке, бултыхаются в чистой быстрой реке, визжат небось от восторга. Послушать бы одним ушком их возбужденный визг!

– Над озером скрипят уключины и раздается женский

визг. А в небе ко всему приученный бессмысленно кривится диск, – проговорил Филат, борода его подросла, закурчавилась. Он щелчком перекинул окурок через окоп.

– Кончай перекур! – поднялся капитан Резцов. – Размечтались о речках-озерах! Отрабатываем штурм опорника в лесополосе!

Глава 11

Два месяца проползли в учебном центре в ежедневной работе. Виктору казалось, что он здесь целую жизнь. Всё, что было до учебки, осталось в давней другой жизни, и он сам теперь не тот, кем был раньше. Жаль, что его не видят сейчас Наташа с матерью. Он бы им таким понравился. Иногда думалось, что Катюша, встреть он ее на улице, не узнает отца. Чем быстрее приближался день отправки на передок, тем прочнее гнездились в душе Виктора тревога и смутное томление, тем молчаливей, задумчивей становился он, и всё чаще повторял он Николаю: Тише! Никому не рассказывай! И вот завтра на ЛБС! Так кратко называли линию боевого соприкосновения.

Сплошного фронта не было. Шла война от лесопосадки до лесопосадки, изрытыми опорниками, разветвленными окопами с блиндажами, бойницами, площадками и вынесенными ячейками для пулеметов и гранатометов, со своим отдельным отхожим местом. А поля между лесопосадками были густо усыпаны противотанковыми и противопехотными минами, простреливались снайперами и контролировались дронами. Нет, страха особого не было, Виктор за эти два месяца сплошных тренировок многому научился, был уверен в себе, но волнение, беспокойство, не подведет ли он своих новых друзей, были, тревожили его.

Вечером Николай с Виктором и со своим земляком Филатом сидели в столовой пили чай с крекерами. Филат был такой же легкий человек, как и Николай, похахатывали частенько вместе, подшучивали добродушно над Виктором. Но сейчас Филат был грустен и молчалив.

– Что-то ты, Филат, загрустил сегодня. Устал? – обратился к нему с улыбкой Николай.

– А тебе совсем не беспокойно перед завтрашним днем? – переспросил Виктор у Николая.

– Не рассуждай, не хлопочи! – уверенно ответил тот. – Безумство ищет, глупость судит. Дневные раны сном лечи, а завтра быть чему, то будет! Гениальные строчки! Чего расстраиваться зря? Завтра быть чему, то будет.

– Не это меня волнует сейчас, – заговорил Филат. – Жену у меня в роддом увезли. Дочку ждем. Переживаю, как она там? Жалко, меня рядом нет.

– Вот оно что! – воскликнул Николай. – Не поздравляю. Рано! Имя выбрали?

– Машей назовем… Машенькой, Марусей. Мою маму так зовут. Будут две Филатовы Маши, большая и маленькая.

– Мою маму тоже Машей зовут, – отозвался Виктор. – Мария Дмитриевна!

– Вернусь домой, родим Ивана, – с нежной мечтательной улыбкой проговорил Филат. – Будут у нас Иван да Марья! – и засмеялся светло.

На другой день пасмурным хмурым утром вся группа ка-

питана Резцова разместилась в бронированном Урале и отправилась к линии боевого соприкосновения. Ехали молча. Виктору казалось, что на настроение бойцов, привыкшим к жарким солнечным дням, повлияло хмурое прохладное утро.

– Чего притихли? – обратился ко всем после часа молчаливой езды капитан Резцов.

– Русский человек издревле подвержен настроениям погоды, – отозвался Виктор. – На улице пасмурно и на душе хмарно. Солнышко взойдет, развеселимся.

Ответ Виктора не удовлетворил капитана, и он обратился к Николаю:

– Мучкап, у тебя язык отсох или ты ещё не проснулся? Я тебя таким впервые вижу. Где анекдоты?

– Вам хочется анекдота? Он есть у меня, – бодро отозвался Николай.

– Бухти, – буркнул кто-то из солдат.

– Анекдотик в тему, – начал Николай. – Окончили военное училище три друга – Иванов, Петров и Сидоров, направили их на прохождение воинской службы в часть. Явились они к командиру батальона, ждут в предбаннике приема. Комбат выходит из своего кабинета, смотрит на них:

– Кто такие?

Молодые офицеры объяснились. Комбат посмотрел на часы и говорит:

– Хорошо! Я на три часа отлучусь по важному делу, а вы

за это время подготовьте каждый мне ответы на три вопроса: ваше отношение к водке, к девкам и к воинской службе.

И уехал. Возвращается через три часа, молодые офицеры ждут его.

– Ну, как, – спрашивает, – ответы готовы?

– Готовы!

– Иванов, заходи!

Входят в кабинет.

– Итак, Иванов, твое отношение к водке?

– Не пил, не пью и не собираюсь пить, – бодро отвечает Иванов.

– А к девкам?

– Я женат, товарищ подполковник. Жену люблю и изменять ей не собираюсь.

– Хорошо, а к воинской службе?

– Я с детства мечтал стать офицером. У меня и отец, и дед – офицеры!

– Отлично! Назначаю тебя командиром первой роты. Иди, принимай дела! Позови Петрова.

Входит в кабинет лениво, в развалку лейтенант Петров.

– Так, Петров, твое отношение к водке?

– Пил, пью и бросать не собираюсь…

– А к девкам?

– Гулял, гуляю и буду гулять!

– К воинской службе?

– Плевал я на нее. У меня отец генерал, засунул в училище

против моей воли. Приходится терпеть!

– Понятно… Назначаю тебя завскладом. Зови Сидорова.

Входит бодренький Сидоров.

– Ну, Сидоров, твое отношение к водке?

– Ящик водки в багажнике.

– А к девкам?

– Девки в машине.

Комбат тянется к телефону, берет трубку, набирает номер и говорит:

– Машенька, ты сегодня меня к ужину не жди. Поздно вернусь. Ко мне заместителя прислали, буду знакомить его с хозяйством!

Николай умолк, а солдаты оживились. Смешки раздались.

– Так-то лучше, – произнес со смехом капитан Резцов. – А ты, Увар, говоришь, погода влияет на русского человека. Мы в любую погоду посмеяться можем. Филат, твоя очередь! Ждем!

– Я сегодня не в форме, – откликнулся Филат. – Мучкап, продолжай, у тебя историй на сутки хватит.

– Ну, раз так, расскажу я вам реальную историю, – с готовностью откликнулся Николай. – Поехала как-то молодая замужняя женщина отдохнуть от мужа на юга. Ну то-се, познакомилась с лицом кавказской национальности. Короче, любовь – ужас. Но время пролетело, пора уезжать – что делать?

Любовник говорит ей, мол, не грусти, вызову тебя. Приехала она домой, через неделю телеграмма: «Умерла тетя

срочно приезжай».

Муж ни в какую:

– Одну не отпущу – поедешь с моей матерью.

Что делать? Послала любовнику телеграмму: «Выезжаю со свекровью». Короче, приезжают, встречают их два «мерседеса», даму нашу – в один, свекровь – в другой. Неделю наша дама побалдела, пора домой. Привозят ее к поезду, встречаются со свекровью, садятся в купе. Смущенная дама спрашивает:

– Мам, что дома говорить будем?

Свекровь ей:

– Не знаю, что ты, дочка, скажешь, а я и на девять дней, и на сорок дней поминать поеду.

Теперь смешки раздались оживленней, чем прежде. Так, незаметно за разговорами и анекдотами, пролетели четыре часа. Урал въехал в городок и, притормозив, повернул к железным воротам в высоком бетонном заборе, поверху которого шла колючая проволока. Остановился, посигналил. Ворота потихоньку открылись, и Урал въехал во двор, остановился на свободном месте на заасфальтированной площадке под кленами рядом с тремя уазиками и несколькими легковыми автомобилями.

– Выгружайсь! – скомандовал капитан Резцов.

Солдаты один за другим посыпались из кузова Урала. Виктор спрыгнул вслед за Николаем, огляделся, прислушался. Звуков боя не слышно, спокойно чирикали воробьи на

высоких кустах кленов, откуда-то из-за двухэтажного здания из белого кирпича доносилось недовольное карканье галки.

– Куда мы приехали? – спросил Виктор.

– Хрен его знает. Явно не на передок, – ответил Николай.

Глава 12

Входная дверь здания распахнулась, появился невысокий молодой капитан. Увидев Резцова, он улыбнулся ему, как старому знакомому и быстро пошел навстречу. Они с Резцовым сначала обнялись, а потом крепко пожали друг другу руки.

– Батяня ждет, – сказал Резцову капитан.

– Я мигом, – ответил Резцов и обратился к своей группе. – Садитесь по отделениям в эти «буханки», – указал он на три уазика, – и ждите. Перекусить можно только из своего сухого пайка. Столовой здесь нет. Туалет на первом этаже у входа, – указал он на двухэтажное здание… – Комоды за мной!

И торопливо отправился вслед за капитаном в здание. За ними – три сержанта, командиры отделений. Один из них Хрунов. Дружно и быстро, без суеты поднялись на второй этаж, вошли в штаб, где их ждали командир батальона подполковник Доровских, плечистый, полнеющий и седеющий офицер, чубатый, пока ещё с черными с проседью пышными усами и густыми бровями и начальник штаба майор Пушков, худощавый, жилистый с острыми глазами и с гладко выбритым лицом. Они сидели за столом, на котором была расстелена большая карта. Когда открылась дверь в кабинет, подполковник Доровских вскинул свою большую голову, легко вскочил, улыбаясь радушно, вышел из-за стола и обнял ка-

питана Резцова.

– Рад, рад тебя видеть в здравии, – загудел он, хлопая Резцова по спине широкими ладонями. – Завтра примешь роту, а сегодня надо поработать.

Взглянув на сержанта Хрунова, он снова улыбнулся благодушно, воскликнул.

– О-о, какие лица! И без охраны, – протянул он руку Хрунову.

– Почему без охраны? – улыбнулся ему в ответ Хрунов, пожимая руку. – А это кто? – шутя кивнул он в сторону вошедших с ним.

Комбат засмеялся и стал жать по очереди руки сержантам, которые называли себя.

– Познакомились, теперь к делу. Время не ждет, – сказал комбат, возвращаясь к своему стулу, и указал на карту. – Подходите…

Вошедшие, стоя, окружили стол. Подполковник Доровских начал тыльной стороной карандаша водить по карте.

– Два отделения во главе с тобой, товарищ капитан, направляются сюда, к деревне Чеботаевка. Там всего несколько домов. Деревня на бугре, оттуда хороший обзор открывается для продвижения наших войск. А третье отделение во главе с сержантом Хруновым пойдет сюда, – указал он на карту, где перекрещивались кудрявые линии, лесопосадки, – здесь крепкий опорник. Он мешает продвижению к Артемовску. Возьмем его и перекроем линию снабжения Арте-

мовска. Над ним мы уже вторую неделю работаем. Пока безуспешно.

– А что же наша арта? – спросил Хрунов.

– Арта утюжила опорник не раз, но азовцы постоянно шлют подкрепление. В накат пойдет взвод лейтенанта Кружкова. А твои необстрелянные, – взглянул он на Хрунова, – помогут ему вытаскивать трехсотых. Если Кружков не возьмет опорник, пойдете вы. С вами будет группа омоновцев. Надо взять опорник. Надо!

Пока капитан Резцов с сержантами совещались в штабе батальона, бойцы перекусили сухим пайком и теперь отдыхали в тени под кленами возле своих уазиков, прислушиваясь к отдаленному приглушенному грохоту, словно где-то громыхал гром. Но небо было чистое, облака рассосались, уползли за горизонт. Легкий приятный ветерок шевелил молодые листья клена, пока ещё липкие.

Виктор сидел на пороге распахнутой двери салона и с нежностью представлял себе, что делают сейчас его женщины. Наташа, конечно, пока на работе, сидит за компьютером, заполняет бланки счетов и платежек, а может, готовит ведомость на зарплату, а мать с Катюшей, наверное, на лугу, пасут гусей с гусенятами, которые за эти два месяца уже подросли, заматерели, должно быть, стали у них появляться первые перья на крыльях, теперь уж они не такие милые, доверчивые желтые щебетушки, какими были, когда он уезжал в учебку, стали неуклюжими подростками.

Хлопнула входная дверь. Виктор оторвался от своих мыслей, взглянул в сторону здания, из которого спешно выходили капитан Резцов с сержантами. Бойцы зашевелились, полезли в уазики. Виктор первым забрался в салон своего, за рулем которого сидел пожилой водитель. Он никуда не отлучался, терпеливо ждал, когда придет его время везти солдат на передок.

Сержант Хрунов сел рядом с водителем, оглянулся на рассаживающихся солдат.

– Все на месте? Никто не дезертировал? – пошутил он.

– Все тут… Нас раз-два и обчелся, – ответил Николай.

– Мощная боевая единица! – сказал Хрунов и взглянул на водителя. – Дорогу знаете?

– Хорошо знакома, – вздохнул водитель.

– Тогда с Богом!

Уазик первым выкатился из ворот на улицу и неспешно направился по неровной дороге, объезжая рытвины в асфальте.

– Птички летают? – спросил Хрунов у водителя.

– С каждым днем все больше становится. Раньше меньше было… На прошлой неделе друга моего задвухсотили. Всю «буханку» разворотили. Из отделения только двое живы остались. Да и те трехсотые… Мне бы пикап заграничный, его ни одна птичка не догонит. А из этого больше восьмидесяти не выжмешь, не уйдет от птички… Только на Бога и надеешься.

Бойцы, слушая рассказ водителя, примолкли, стали с опаской поглядывать в окна. Но пока ехали по городку мимо частных усадеб. Кое-где на улице среди ухоженных чистых домов, как гнилые зубы, торчали обгоревшие или полуразрушенные дома. Видимо, и сюда долетали либо снаряды, либо бандеровские птички.

Глава 13

Сержант Хрунов взял одну из кассет, лежавших между сиденьями, прочитал вслух надпись на ней синим фломастером:

– Чичерина. «Прощание славянки», – и снова взглянул на водителя: – Музычка работает?

– Работает…

– А что же мы тогда грустим?

– Вставляй… Я в открытое окно птичек слушаю… Но сюда они редко долетают. В поле выключим.

Хрунов вставил кассету, и тотчас же зазвучала духоподъемная всем знакомая музыка, только слова были другие.

Чичерина пела:

Приближается час испытания.
Мирной жизни закончился срок.
С Божьей волей всё ближе свидание
И истории новый урок.
Вихри штормов и бурь бушевали
Над простором родной стороны.
Воедино собрать не пора ли
Все осколки великой страны?

Багров горизонт.
Уходим на фронт.

Ведёт нас труба,
Любовь и вера, и судьба!
Цветёт моя страна,
Настанет Победы Весна.
И мы вернёмся, навстречу солнцу,
Воспрянем от чужого сна!
Встань и вспомни, кем ты был всегда!

Править нами обманом и подлостью
Не позволят ни предки, ни царь.
Русской правдою, честью и совестью
Мы сильны, наши братья, как встарь.
Зря нацелена в сердце измена.
Наша верность, ты с нами всегда.
Перед Родиной склоним колена.
Пред врагами её – никогда!

Багров горизонт.
Уходим на фронт.
Ведёт нас труба,
Любовь и вера, и судьба!
Цветёт моя страна,
Настанет Победы Весна.
И мы вернёмся, навстречу солнцу,
Воспрянем от чужого сна!

Слова песни резко подействовали на Виктора, он прикрыл ладонью глаза, чтоб никто не увидел выступивших слез. А Николай запомнил повторяющийся припев и подхватил его,

когда Чичерина запела его в третий раз:

– Багров горизонт. Уходим на фронт. Ведет нас труба, любовь и вера, и судьба… И мы вернемся, навстречу солнцу, воспрянем от чужого сна.

Выехали за город. И сразу же у дороги показался разбитый, сгоревший уазик, чуть дальше на обочине виднелся с раскуроченным боком БМП. Разрывы снарядов стали слышнее, резче.

– Всё, выключай, – взглянул водитель на Хрунова и выставил ухо в открытое окно водительской двери.

Уазик пошел вдоль лесопосадки. Его стало резко подбрасывать на ухабах, но он не сбавлял скорости, петляя мимо сгоревших машин, бронетранспортеров, даже два покрытых ржавчиной танка промелькнули мимо окна. Разрывы снарядов всё ближе, ближе.

Вдруг метрах в пятидесяти впереди земля взлетела вверх, разрыв снаряда. Уазик резко свернул в лесопосадку и остановился.

– Приехали! – выдохнул водитель.

– Выгрузка! Быстро! – выкрикнул Хрунов и первым выскочил из кабины.

Виктор, так как садился первым и был в глубине салона, выбрался последним. Сержант Хрунов уже успел скомандовать:

– Растянуться! За мной!

И первым направился по тропе среди лесопосадки. За ним

метрах в семи друг от друга быстрым шагом пошли бойцы. Виктор оказался позади всех. Он шел вслед за Николаем, с волнением прислушиваясь к бою в той стороне, куда они шли. Оттуда доносились торопливые выстрелы, резкие разрывы мин и снарядов. Сердце Виктора бешено билось в груди, после каждого взрыва хотелось пригнуться. К тому же он весь превратился в слух, не слышно ли с неба мерзкого жужжания птички.

Лесопосадка в этом месте была густой. Сквозь листья сверху нельзя было заметить быстро идущих солдат. Солнце, показывавшееся время от времени в просветах лесополосы, уже низко склонилось к горизонту за горбатым полем, заросшим мелким кустарником, стало тускнеть. В тени лесополосы было не так жарко, но от быстрой хотьбы, тяжести бронежилета с шестью магазинами, набитыми патронами, гранатами в кармашках разгрузки, автомата, рюкзачка из-под шлема по вискам, щекам, по лбу лился пот, капал с бровей. Виктор не обращал на это внимания, весь превратился в слух. Сколько идти, было неизвестно. Солнце сядет, в темноте можно потеряться. Он, стараясь не приближаться близко к Николаю, но и не отстать, спросил у него громким шепотом:

– Куда мы идем? Что говорят?

Николай оглянулся, ответил:

– А хрен его знает? Как в анекдоте:

– Пап, а почему луна больше звезд?

– А хрен ее знает…

– А почему солнце такое яркое?

– А хрен его знает…

– Пап, может, ты устал?

– Нет-нет, ты спрашивай, сынок! Кто ж тебе еще, кроме отца-то, все объяснит?

Навстречу им по тропе четверо солдат из группы эвакуации несли раненого на спальном мешке.

Николай и Виктор остановились, пропуская их, сошли с тропы в кусты. Виктора вдруг осенило: как же он не посмотрел, куда шагнул, а вдруг там мина или растяжка. Он мигом взглянул себе под ноги. В прошлогодних листьях и реденькой траве ничего не было. Он успокоился, взглянул на раненого, который лежал с совершенно белым лицом. Его быстро пронесли мимо них. Николай и Виктор молча двинулись дальше. Ещё беспокойнее стало после встречи с раненым.

– Ты видал, какое у него белое лицо? – встревоженно спросил Виктор.

– Много крови потерял.

– Не донесут… Чем это его?

– Снаряд должно… Или мина… Надеюсь, дотянет…

Глава 14

Разрывы снарядов всё ближе, ближе. Впереди под кустами показалось несколько раненых, лежавших прямо на траве, или сидевших, прислонившись к стволам деревьев. Их суетливо перевязывали санитары. Виктор испуганными глазами смотрел на них, проходя мимо. Стали видны воронки от разрывов. Впереди под густыми деревьями столпилось отделение Хрунова. Николай, а за ним и Виктор подошли к ним. Хрунов подождал их и приказал негромко, указывая на лесопосадку:

– Окапываться здесь! Противник впереди. Ночью не спать, дальше только нацики. Сидеть тихо, не передвигаться. Если кто-то выйдет на нас ночью, спрашивать пароль. Ответ: Тополь! Нет ответа, стрелять!

Виктор и Николай, скинув рюкзачки, начали суетливо рыть себе окопы саперными лопатками неподалеку друг от друга. Земля была забита корнями деревьев, приходилось их с силой рубить лопатами.

– Вот где острая лопатка пригодилась, – проговорил Николай, быстро выбрасывая землю впереди окопа, делая маленький бруствер. – Только так корни рубит.

Виктор ничего не ответил, работал молча. Ему корни давались нелегко. Приходилось несколько раз бить по ним острием. Подумалось, зря не наточил заранее, а Николай –

молодец!

– Ты почему без перчаток? Руки изуродуешь! – удивленно окликнул его Николай. – Надень!

Виктор послушно отложил лопату, достал перчатки и стал одну за другой натягивать на руки. Отдаленные взрывы, глухая трескотня, перестукивание автоматных очередей уже не будоражили его.

Николай, видимо, в возбуждении молчать не мог, спросил:

– Ты боишься?.. Только не говори: тише! Никому не расскажу!

Виктор помолчал, поднял лопату, потом ответил.

– Наверно, да. Как-то неуверенно себя чувствую.

Николай после ответа Виктора приободрился, вспомнил анекдот и не удержался, рассказал, не переставая копать.

– Идет медицинская комиссия в военкомате. Врач:

– Что вас беспокоит?

– Я близорукий.

– Ничего. Будете в первом окопе, чтобы лучше видеть!

Виктор никак не отреагировал на анекдот, только буркнул, энергично работая лопатой.

– Зароемся, а толку-то. Тут сейчас за десять метров в кустах ничего не видно. А ночью хоть глаз коли… Подойдет, кинет гранату в окоп и крандец!

– А ты не спи, слушай!

Виктор вздохнул тяжело, прекратил копать, приподнял

шлем на затылок, вытер пот, сел на дно окопа, достал сухпаек, вскрыл его, распечатал одну пачку галет, открыл стаканчик с печеночным паштетом, намазал пластмассовой ложечкой паштет на галеты и начал есть.

Солнце, не видимое отсюда из-за кустов, должно быть, село. Стало смеркаться. К нему в окоп заглянул Николай.

– А чо ты ступеньки не сделал? Как будешь вылезать?

– Пожру и сделаю… Жор напал…

– Хорошо, что не медвежья болезнь.

– Ну что там?

– Ждем.

– Чего ждём?

– Лучшей жизни… Ожидание заставляет нас мучиться и сходить с ума, но желание дождаться заставляет жить. Пойду тоже пожру.

К их окопам подошел сержант Хрунов, взглянул на жующего галету Виктора, спросил сурово:

– Увар, ты что себе такой мелкий выкопал?

– Мы же здесь временно. Тут кусты.

– В принципе дело твоё, конечно, Увар, – сказал Хрунов, – но поверь мне на слово. Чем глубже копаешь, тем больше шансов, что выживешь.

– Сейчас перекушу и продолжу копать, – и вздохнул: – Окоп рою, а может быть, могилу.

Ночь. Непроглядная темь. С вечера небо было звездное,

было светлее, а под утро появились облака, закрыли звезды, узенький серп нарождающейся луны. Виктор стоял в окопе, навалившись грудью на бруствер, выставив автомат в сторону кустов, всматривался в темноту, прислушивался. Нестерпимо тянуло спать. Глаза сами закрывались, голова в шлеме клонилась к автомату. Виктор клевал носом, вскидывал голову и испуганно прислушивался – не прозевал ли он противника. Было тихо. Подумалось, почему здесь птицы не поют? Небо светлеет, значит, скоро утро. В это время лес у реки Вороны звенит от разноголосья птиц.

Неподалеку послышался осторожный шелест по прошлогодним листьям. Должно быть, кралась лягушка или мышь. Выходит, не всё здесь вымерло. Есть живая жизнь. Вспомнилось, как он однажды с Наташей ночевал в палатке на берегу Вороны. Это было перед свадьбой. Ночью к ним в палатку забралась мышь. Ой, как визжала Наташа! А он со смеху укатывался! Чего она так боится мышей? Они безобидные, пушистенькие, мягкие. Он поймал ту мышь, выпустил из палатки. А Наташа заставила его бежать к реке, мыть руки с мылом. Да, здорово было! – вздохнул он. Сейчас Наташа, должно быть, сладко спит в обнимку с Катюшей. Она рассказала во время недавнего звонка, что дочка перебралась в ее постель. И теперь они спят вместе.

Темь начала разжижаться. В голове Виктора снова стало туманиться, замелькали разные мгновенные образы: быстрый бег воды Вороны на повороте с маленькими завихрени-

ями, осока на берегу. Он с удочкой сидит на песке. Утренний лес с толстыми морщинистыми стволами дубов.

Донесся приглушенный хруст, шелест. Виктор вскинул клонившуюся к брустверу голову, прислушался. Нет, это не во сне ему почудился шелест. Действительно кто-то крадется и не один. Виктор замер, тихонько поправил автомат и осторожно снял с предохранителя. Крадется кто-то, крадется. Точно! Сердце заколотилось так, что показалось стук его могут услышать те, что крадутся. Виктор напряженно всматривался в полумрак. Неподалеку от него показалась крадущаяся фигура, приостановилась на миг, видимо, заметила Виктора, раздался шепот:

– Это вы, парни?

Виктор вздрогнул, рука его задрожала на спусковом крючке автомата. Он сглотнул слюну и прошептал:

– Пароль?

– Какой? – шепот в ответ.

Палец Виктора сам от испуга нажал на курок. Длинная очередь из автомата разорвала тишину, бешено ударила в уши, приклад больно ударил в плечо, видимо, рука не твердо держала автомат. В ответ сразу же застучали несколько автоматов, пули защелкали позади в стволы деревьев, затрещали ветки. И вся лесопосадка остервенела стрельбой. Перед бруствером окопа Виктора взлетела вверх земля, сухо взорвалась граната.

Виктор машинально присел в окопе, скрылся, но тут же

вскочил, выставил автомат в сторону кустов и сжал спусковой крючок и давил на него, пока не кончились патроны. Снова присел в окоп, выкинул дрожащей рукой пустой рожок, вставил новый. И только поднял голову, как над ним коротко взвизгнула мина и взорвалась яркой вспышкой метрах в десяти от него. За ней тут же прилетела другая, третья. Виктор упал на дно, на спину, выставив вверх перед собой автомат. Земля комьями летела на него сверху.

Казалось, что лежал он вечность. Взрывы начали удаляться в ту сторону лесопосадки, где был враг. Потом вдруг сразу наступила тишина, только издалека доносились выстрелы, гулкие взрывы. Виктор, чутко и нервно прислушиваясь, лежал, не шевелясь, выставив автомат вверх, готовый стрелять, если кто-то покажется над его окопом. До него донесся негромкий голос Николая.

– Витя, Витя, ты живой?

Виктор потихоньку поднялся, пригнувшись, начал стряхивать с себя землю и откликнулся:

– Живой…

Николай стоял в своем окопе, зажимая ухо окровавленным бинтом. По щеке его текла кровь.

– Это ты начал?

– Я…

Николай заговорил возбужденно:

– А я присел на секунду, задремал, вдруг как всё затрещит, прямо над ухом. Я вскочил, высунулся, а тут взрыв. Ме-

ня по башке шарахнуло. В глазах зелено… Кровь заливает… Я так ни разу и не выстрелил…

Виктор выглянул из окопа, увидел окровавленное лицо друга и тут же выскочил из окопа и бросился к нему. Николай отнял бинт от уха.

– Посмотри, ухо цело? Не оторвало совсем? Как же меня, безухого, девки любить будут?

Висок Николая был распорот, ухо вверху было надрезано, из раны сочилась кровь.

– Цело! – выдохнул Виктор. – Надорвало малость… Дай перебинтую!

Виктор, положив автомат на край окопа, дрожащими руками вытащил бинт из своей аптечки, сорвал упаковку. Осторожно снял шлем с головы Николая и начал забинтовывать ему голову, говоря успокаивающе:

– Это осколок гранаты. Тебе повезло. Ещё б полсантиметра и полголовы срезало.

До них донесся голос командира отделения сержанта Хрунова.

– Все живы? Есть трехсотые?

Он обходил окопы своих бойцов. Подошел к Николаю, когда Виктор заканчивал его перевязывать.

– Сильно зацепило?

– Ерунда… Заживет, – ответил Николай. – Я останусь. Отделался я легким ранением в руку и контрольным выстрелом в голову.

– У него полуха осколком срезало, – сказал Виктор. – И кожу на виске зашить надо.

Хрунов строго приказал Николаю:

– Иди в медпункт, шутник. Перевяжут, зашьют, если ничего страшного, вернешься.

Виктор помог Николаю выбраться из окопа. Хрунов в это время разглядывал двух убитых нациков возле окопа Виктора.

– Это ты их? – обратился Хрунов к Виктору, который только сейчас обратил внимание на трупы в трех шагах от его окопа.

– Не знаю… – пожал плечами он. – Темно было… Я стрелял…

Сержант Хрунов подошел к трупам, осмотрел и удовлетворенно произнес:

– Твои… Входные отверстия от пуль с твоей стороны. Это азовцы. Элита! Могли бы на рассвете всех нас положить. Хорошо, что ты не растерялся.

– Я испугался… Они на меня вышли… – оправдывался Виктор.

Хрунов усмехнулся:

– Значит, от испуга положил двоих?

– Ну да!

Хрунов повернулся к Николаю:

– А ты что стоишь? Дорогу забыл иль провожатый нужен? Дуй прямо по лесопосадке, на медпункт выйдешь.

– Товарищ сержант, можно мне другу вопрос задать? – обратился тот к Хрунову.

– Говори и утопывай!

Николай серьезным тоном сказал Виктору:

– Помнишь, Витек, мы говорили с тобой, как тяжело убить человека. Считали, потом долго в себя не придешь. Что ты сейчас чувствуешь? Вот лежат двое убитые тобой.

Хрунов усмехнулся и с любопытством посмотрел на Виктора, ожидая, что ответит тот. Виктор ответил не сразу, вздохнул:

– Ничего не чувствую… Ни радости, ни огорчения… Одна мысль сейчас, когда гляжу на труп: хорошо, что ты, пидарас, сдох, а не я.

Хрунов одобрил:

– Молодец! Хорошо работу сделал… Сейчас к нам подойдет подкрепление, ОМОН, и пойдем нациков выбивать… А ты, – обратился к Николаю, – топай в медпункт и возвращайся…

Николай заторопился назад по тропинке, а Хрунов пошел к другим своим бойцам, бросив Виктору:

– Спрячься в окопе и сиди тихо. Могут птички прилететь.

Глава 15

Виктор спустился в свой окоп, замер, облокотившись о бруствер, стал слушать небо, всматриваться в кусты. Совсем рассвело, где-то за лесопосадкой выглянуло красное солнце из-за горизонта. Прошелестел по веткам порыв ветра. Позади послышались шаги нескольких человек. Виктор оглянулся. К нему по тропинке один за другим приближались несколько бойцов. Проходили мимо, углублялись в лесопосадку. Одного из них Виктор узнал, это был земляк, Филат. Виктор вспомнил, как тот в столовой говорил, что его беременная жена в роддоме. Он тоже узнал Виктора и заговорил шутливо:

– Увар, пошли с нами, чего сачкуешь!

– Команды не было.

Филат взглянул на трупы возле окопа.

– Чего ты друзей не уберешь?

– Они смирные, без них скучно… – и спросил: – Как жена? Родила?

– О-о! – радостно воскликнул Филат. – Родила Машеньку! Говорит, здоровенькая! Только, говорит, не кричит, а мяукает, как котеночек… Смешно! Вот бы послушать!

– Пусть жена запишет на телефон, послушаешь, – подсказал Виктор.

– Это идея! – восторженно воскликнул Филат. – Как же я

сам не догадался!

– Филат, нечего болтать, вперед! – раздался командирский голос.

Это подошел командир прибывшей группы лейтенант Кружков, приземистый, плечистый и строгий на вид.

– Бывай! – кинул Филат Виктору. – Встретимся после боя.

И скрылся за кустами.

Лейтенант Кружков подошел к сержанту Хрунову, снял перчатку, поздоровался за руку, спросил:

– Сколько у тебя бойцов?

– Осталось семь, – ответил Хрунов и добавил. – Со мной!

– Есть двухсотые?

– Слава Богу, один трехсотый… А вот и он.

Хрунов взглянул на улыбающегося Николая, который направлялся к ним.

Виктор тоже увидел друга, на душе сразу потеплело, заулыбался.

– Подлатали? – спросил Хрунов у Николая.

– Ухо пришили, кожу заштопали, сказали, до свадьбы заживет.

Хрунов кивнул на окоп Николая:

– Занимай свой… И сиди тихо, – и обернулся к Кружкову. – Они у меня не обстрелянные. Только из учебки.

– Мне пояснили. Помогут наших трехсотых вытаскивать.

– Я уже получил команду.

– Ну, а я со своими в накат, – вздохнул он.

– С Богом!

Они пожали друг другу руки, и командир скрылся в кустах, а Хрунов пошел к другим бойцам.

Виктор проводил его взглядом и возбужденный радостью за друга выкарабкался из своего окопа, спрыгнул в окоп Николая, обнял его.

– Ну как? Будем жить?

– Будем жить! – откликнулся, засмеявшись, Николай. – Как рваный носок заштопали.

До них донесся громкий голос Хрунова.

– Всем сидеть в окопах. Начнется бой, будем вытаскивать трехсотых.

– Ну давай, – толкнул Виктор кулаком в плечо друга. – Не высовывайся напрасно, а то башку снесет.

Он вылез из окопа Николая и спустился в свой, снова замер, грудью навалившись на край окопа и выставив автомат в сторону кустов. Ждали недолго. Неожиданно быстро и громко застучал пулемет, и сразу лесопосадка наполнилась множеством автоматных очередей, взрывом гранат.

Виктор поглубже опустился, спрятался в окоп, потом потихоньку стал выглядывать из него. Сердце снова забилось сильнее и тревожнее. Бой шел за кустами, за которыми ничего не видно. Позади одна за другой начали рваться мины.

Вдруг из кустов вынырнули четверо бойцов из группы эвакуации. Они несли на спальном мешке раненого. У него перебита нога, перетянута жгутом и забинтована. Увидев

Виктора, Николая, окопы, бойцы опустили раненого на землю. Один из них крикнул Виктору:

– Помогите раненому. Обезболивающее вкололи… Мы за следующим.

Группа эвакуации бегом скрылась в кустах. А Виктор, поначалу онемевший, мигом выбрался из окопа и кинулся к раненому, который громко, непрерывно стонал:

– Братан, а-а-а-а! Не бросай меня… А-а-а-а!

Спальный мешок его, несмотря на перевязанную ногу, был в луже крови. Виктор повернул раненого на бок. У того из-под брони сочилась кровь. Виктор начал торопливо стаскивать с него броник. К ним подбежали Николай и двое молодых бойцов из их группы и замерли, глядя, как он пытается расстегнуть бронежилет и разгрузку. Дрожащие руки Виктора скользили по окровавленным застежкам. Виктор от горечи и бессилия взорвался, заорал на бойцов, уставившихся на него:

– Какого пялитесь?! В нем дыры. Помогай мне! Вытечет!

Оба бойца сразу же кинулись к раненому, втроем они быстро сняли бронежилет, РПС и куртку. На боку бойца было несколько следов осколочных ранений, из которых сочилась кровь. Его начали торопливо, неловко перебинтовывать.

А бой впереди продолжался. Начали рваться снаряды, но они уже никакого впечатления не производили на Виктора, который поспешно, взволнованно заканчивал забинтовы-

вать раненого. Бинты тут же намокали кровью в местах, пробитых осколками. Руки его были в липкой крови, стоял приторно-тяжелый запах, напоминающий запах мокрого ржавого железа, вдруг вспомнилось, что почти так же пахла тушка курицы, которой он только что отрубил голову и окунул в кипящую воду, чтобы было легче ощипывать. Он почувствовал подступающий к горлу приступ тошноты. Мелькнуло в голове: как бы не вырвало, опозоришься перед ребятами! Виктор пересилил себя, сглотнул комок в горле и завязал бинт узлом на груди раненого.

Из кустов снова возникли четверо из группы эвакуации с раненым на спальном мешке. Они положили его рядом с тем, которого только что перевязал Виктор, и снова убежали туда, где трещали автоматы, стучали пулеметы и рвались мины.

Подошел сержант Хрунов, хмуро кивнул на перевязанного раненого, коротко бросил:

– Несите в медпункт.

Виктор, Николай и те два бойца, которые помогали раздевать и перевязывать раненого, ухватились за углы спального мешка, на котором лежал продолжавший стонать раненый, и торопливо понесли его по лесопосадке в медпункт. Нести было тяжело, неудобно, рука немела. Виктор опасался, что не удержит, выпустит, и раненый вывалится на землю, не хотелось показаться слабаком перед ребятами.

Глава 16

Виктор, Николай и два бойца, пригибаясь, тяжело дыша, принесли раненого к палатке полевого медпункта, который был в густых кустах под маскировочной сетью. Раненый немного успокоился, тихо постанывал. От него всё так же несло запахом курицы, которую окунают в кипяток. Виктор снова почувствовал приступ тошноты, тяжело дыша, отошел под дерево, прислонился к нему. Его скрючило и вырвало. Вышедший из палатки к раненому санитар со вздохом произнес.

– Нервы, нервы…

Раненого санитары унесли в палатку, а бойцы двинулись назад.

Стрельба и взрывы вдали постепенно затихали. Когда бойцы вернулись к своим окопам, бой совсем утих. Но вдали, то с одной стороны, то с другой, неумолчно глухо грохотало, словно там шла гроза. Небо было безоблачным, солнце поднялось уже довольно высоко, начинался жар. Только небольшой ветерок немного освежал, но всё равно пот лил с бойцов безостановочно. Хотелось пить. Во рту и в носу Виктора стоял мерзкий запах блевотины, несмотря на то, что он умылся в медпункте, вымыл испачканные кровью руки, напился воды.

Виктор спустился в окоп, достал из рюкзачка маленькую

бутылку с водой. Она на дне окопа с ночи пока не нагрелась, оставалась прохладной. Виктор с наслаждением сделал несколько глотков, налил немного в ладонь воды и умылся, освежился от пота. Сразу стало легче.

Послышался зычный голос Хрунова:

– Все в сборе? Команда – вперед!

Виктор подхватил рюкзачок, закинул его за спину и выбрался из окопа. Хрунов первым направился по тропинке в кусты, откуда выносили раненых. Виктор снова шел за Николаем. Показались следы недавнего боя. Воронки от снарядов и мин, трупы. Сержант Хрунов упорно шел мимо, словно не замечая ничего, а Виктор с опаской и горечью оглядывался на убитых бойцов. Николай впереди приостановился и указал на одного из них, лежавшего в крови, в нелепой позе, со странно и безобразно вывернутыми ногами и прошептал только одно ужасное слово.

– Филат… – и пошел дальше.

С ужасной болью промелькнул в голове Виктора недавний разговор с Филатом, мигом вспомнилось, как он радостно рассказывал, как мяукает его новорожденная дочь и что они договорились встретиться после боя. Вот и встретились! Жутко! Не увидит никогда Машенька своего отца.

Виктор стряхнул с мокрого лица пот и побрел дальше. Николай оглянулся на него, спросил:

– Устал?

– У меня кто-то в голове скулит: вернись! Вернись!

Николай вздохнул и направился дальше. Вскоре они вышли на позицию, где Хрунов разговаривал с лейтенантом Кружковым, остановились, отдыхая и слушая, как лейтенант спокойно и убежденно говорил сержанту:

– Даю тебе ещё восьмерых моих. Идите, в опорнике не больше троих осталось, остальные убежали или убиты. Подойдите ближе, закидайте гранатами. Ничего сложного…

Хрунов усмехнулся, оглядел подошедших своих бойцов и обратился к Николаю.

– Мучкап, как голова?

– Щиплет немного… От пота…

– Останешься здесь!

– Я с вами!

– Останешься здесь. Это приказ!

– Ваша группа идет впереди, – сказал лейтенант Кружков, – за вами вторая, ОМОН.

Сержант Хрунов оглядел своих бойцов и качнул головой, приглашая идти следом за ним, направился по тропинке, потом оглянулся, приказал строго:

– Следите за моими знаками! Не отвлекаться! Увар, иди за мной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.